ЕЛЕНА ТЮРИНА

18+

Наследники графа

Том II

АРМЭЛЬ

Елена Андреевна Тюрина

Наследники графа. Армэль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57876346
SelfPub; 2022

Аннотация

Красивый синеглазый священник и покоритель женских сердец… Разве его жизнь может быть ограничена молитвами и постами? О нет! Только интриги и приключения! Главное из которых – спасение брата-близнеца короля. Противостоять могущественному Людовику XIV и не допустить, чтобы принц провел остаток жизни в железной маске вполне по силам Армэлю де Куси.

Содержание

Пролог 4
Глава I Виконт де Куси прибывает в Рим 19
Глава II Разбитая надежда Александрин 29
Глава III Граф де Куси сомневается 39
Глава IV Графиня де Вард сбегает от мужа к цыганам 48
Глава V Анна предупреждает Монфора о заговоре 64
Глава VI Король и Луиза в гроте, а Армэль узнает, что он великий грешник 73
Глава VII Кокетка Александрин, ревнивый де Вард, и гордая испанка 83
Глава VIII Старый замок и воспоминания 93
Глава IX Неожиданная встреча 103
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Елена Тюрина
Наследники графа. Армэль

Пролог

1636 г. Испания

Февраль в том году в Мадриде лютовал и бесновался. Было только начало месяца, а многие горожане не знали, как дотянуть до конца зимы, потому что дровами могли себе позволить запастись лишь очень обеспеченные люди, остальным приходилось уповать на то, что зима по обыкновению будет мягкой. Никто не ожидал морозных ночей, а уж тем более снега – влажного, тяжелого, противного, прилипающего к ресницам и попадающего за воротник. Но обитателям особняка, расположенного недалеко от площади Ворота Солнца, на улице Алькала, которую многие по привычке еще называли старым названием – улицей Оливковых рощ, замерзнуть не грозило. Именно здесь жил французский дипломат граф Арман де Куси де Монмирай с семьей.

В тот день сын графа, семилетний Армэль, сдавал своим педагогам экзамен – учителя истории, латыни, географии, испанского, английского и французского языков сиде-

ли в ряд на стульях, а мальчик стоял перед ними у большой географической карты. Тут же находился сам граф.

– Итак, Армэль, покажите нам, где находятся французские колонии? – произнес гувернер виконта месье Атталь.

Ребенок, поискав на карте нужный материк, ткнул указкой в Новую Францию.

Далее ему было задано перевести несколько фраз с испанского на французский и английский и наоборот, поставить предложенные латинские слова в правильные падежи, и, наконец, ответить на вопрос по истории.

– Теперь назовите причину Троянской войны.

– Причиной Троянской войны было похищение Парисом Елены, жены спартанского царя Менелая, – отчеканил Армэль.

Все педагоги удовлетворенно закивали головами, отмечая прекрасную подготовку мальчика к экзамену. В связи с тем, что учитель музыки заболел, играть на клавесине виконту не пришлось, и его отпустили заниматься своими делами.

Ребенок выскочил в коридор, где его уже поджидал сын графского кучера Камило – постоянный спутник всех игр и шалостей, и дети куда-то убежали.

– Елена Троянская… – принялся рассуждать преподаватель французского месье Луро. – Ее воспевали как самую желанную из женщин. Интересно, какой она была. Не из-за каждой можно начать войну.

– Интересный факт, – сказал преподаватель истории. –

После взятия Трои ахейцы собирались побить Елену камнями, но когда увидели ее обнаженной, выронили оружие из рук…

– Чепуха, – усмехнулся испанец Монтеро. – Что там может быть особенного? Не понимаю, почему столько суеты было вокруг этой гулящей смазливой бабы, по вине которой пал величайший город Древнего мира. Все беды мужчин из-за таких женщин, и не только мужчин, а вон даже целых народов.

Слушая этот разговор, граф не проронил ни слова, потом, попрощавшись, вышел.

– И сеньор де Куси из-за такой же, как эта Елена, страдает, – вдруг пробормотал Монтеро, но все тут же зашикали на него, озираясь по сторонам.

Армэль и Камило пробрались в каретный сарай, у дальней стены которого уже несколько дней мастерили лодку из старой бочки. Весной они собирались в плаванье.

– Думаешь, она выдержит нас двоих? – с сомнением спросил Армэль, такой трогательный в своем бархатном коричневом костюме и белой сорочке с жабо и кружевными манжетами. Рядом с ним, одетый в обноски старшего брата, давно покинувшего семью в поисках лучшей жизни, Камило выглядел как маленький бродяжка.

– Конечно, выдержит.

– А троих? Я хочу позвать с собой Ангеранна.

Сын кучера скорчил недовольную физиономию. Он отча-

янно ревновал своего друга к его старшему брату Ангеранну де Кус. Тут во дворе послышался шум, и дети затаились, настороженно переглядываясь. Однако вскоре все стихло.

Позже, когда виконт вернулся в дом, то обнаружил, что все отчего-то суетятся и шумят. Оказалось, что приехала их старая служанка. Армэль ее терпеть не мог, и был уверен, что ей наверняка уже лет сто. Заглянув в комнату, он увидел отца, стоящего спиной к двери, и Луизу.

Дело в том, что супруга графа с некоторых пор жила отдельно – в арендованном особняке на окраине Мадрида. Случилось так, что сановник застал ее целующейся с английским послом, после чего просто выставил за дверь, хотя, как выяснилось, графиня находилась на тот момент в положении.

Жена… Забыла уже маленькая беспреданница, как он ее до себя поднял. Одного слова его было бы довольно, чтобы вернуть ее в ту нищету, из которого он ее возвысил. Но граф никогда этого не сделает. Он так решил в ту ночь, когда она в мучениях родила ему второго сына. Когда чуть сама жизни не лишилась. И теперь вот девочка… Арман сомневался, что он – отец новорожденного ребенка, но старая служанка Луиза, работавшая еще у его родителей, уверяла, что дочь его, потому что, по ее словам, никаких «амуров» у молодой графини ни с кем не было. Да и, судя по срокам, зачата девочка до приезда посла. Но теперь уже граф сомневался во всем. Однако глядя на дитя, он не смог устоять перед ее очарова-

нием и на какое-то время даже забыл о своей злости на супругу. Младенец действительно казался не просто новорожденным ребенком, а ожившим ангелочком с полотна художника, настолько правильными были черты его лица и даже форма пальчиков. На голове малышки был заметен белый пушок, а голубые прозрачные глазки, большие, круглые, обрамленные длинными ресницами, смотрели прямо на отца, в то время как девочка лежала в обычной для новорожденного позе – подобрав ножки к животику, а ручки крепко сжав в кулачки. Поднеся одну ручку к лицу, дочь сосредоточенно сосала большой палец.

– Она стремительно родила, – рассказывала Луиза. – Я только услышала, как она к себе собралась подниматься, а через минуту уже меня зовет. Прибегаю – она в кресло опустилась, за живот держится. Меньше часа прошло, как ребенок появился.

Виконт не понимал, что значат эти слова и не очень-то вслушивался, что отвечал отец, но когда граф и Луиза покинули комнату, мальчик зашел и увидел на постели какой-то сверток. Девочку уже запеленали, поэтому среди кружев и складок ткани было видно лишь маленькое личико. Глаза диковинного существа были закрыты, но виконт понял, что оно не спит по странному тихому воркованию. Когда рядом возникла молоденькая служанка, Армэль вздрогнул от неожиданности.

– Это что? – спросил он.

Мальчик еще не видел новорожденных младенцев и потому был озадачен.

– Ваша сестричка, сеньор, – улыбнулась та.

– Вы хотите сказать, что это девочка? – подозрительно уставился на нее ребенок.

– Ну конечно. Она еще совсем маленькая. Ей всего несколько недель отроду.

Неожиданно девочка открыла глаза. Так она выглядит значительно лучше, решил виконт.

– Откуда она взялась? – нахмурился он.

– Ее произвела на свет ваша матушка.

Пока Армэль пытался сообразить, каким образом его мать могла создать эту девочку, появилась Луиза.

– Виконт, где вы так испачкались?! Испортили такой красивый костюм! – воскликнула она. – А ну бегом купаться!

Ночью, шлепая босиком по полу, мальчик зашел в комнату, в которой прятали неведомое существо. Кормилица девочки спала тут же. Бесшумно подкравшись к колыбельке, Армэль подобрал свою длинную ночную рубашку, и, уцепившись за кроватку, подтянулся, чтобы заглянуть внутрь. Но неожиданно под весом его тела колыбелька начала крениться и вдруг рухнула, а вместе с ней мальчик. Больно стукнувшись спиной и затылком об пол, он услышал показавшийся ему невероятно громким детский плач – захлебывающийся, дрожащий, он разорвал тишину ночи.

Как кричала напуганная служанка, как его тащили к от-

цу и как затем он всыпал ему розог – все это навсегда осталось в памяти мальчика. На следующий день в особняке закатили такой грандиозный пир, какого Армэль не помнил за всю свою семилетнюю жизнь. И хоть отец, судя по всему, на него больше не злился, мальчик решил не попадаться ему на глаза, поэтому, когда съехавшиеся на праздник друзья графа отмечали появление на свет его дочери роскошным банкетом, Армэль с Камило сидели на чердаке.

– Я тоже видел однажды младенца, – рассказывал Камило. – Знаешь, что в них самое противное? Они испражняются прямо под себя!

Армэль брезгливо скривился.

– Вот не зря она мне не понравилась, – пробурчал он.

Много позже, будучи уже учеником Наваррского коллежа, он описал те свои эмоции в дневнике:

«Зачем ты была нужна?» – думал тогда я. Ты появилась на свет как будто бы вопреки всему. Без тебя мы жили спокойнее. Раньше я не видел новорожденных детей, и ты мне показалась отвратительной. Я не мог понять, откуда ты и зачем. А все вокруг только и твердили, что у меня теперь есть сестра. Сестра?! У меня был брат, и он был мне понятен, близок. А ты – девочка, далекая и чужая. Я чувствовал, что твое появление как-то умалило мою собственную значимость. Теперь я, оказывается, должен оберегать тебя, заботиться и защищать. Я был категорически не согласен с тем, что ты во-

рвалась в мою жизнь».

Спустя 7 лет

Девочка бежала за ним следом, как взрослая придерживая юбки.

– Я тебе сказал, отстань! – не оглядываясь, строго проговорил подросток, одетый в красивый костюм для верховой езды.

Малышка молча продолжала идти за ним, стараясь не отставать. Даже запыхалась и раскраснелась, потому что брат шел слишком быстро.

– Да что ж ты прицепилась! – воскликнул он, оглянувшись и обнаружив, что она все еще тут. – Я же сказал, что ты со мной не поедешь!

Сестра не обращала внимания на его слова, упрямо преследуя виконта. Но вдруг он так неожиданно остановился, что она чуть со всего маху не столкнулась с ним.

Дело в том, что Армэль с Камило договорились съездить за город, к протекающей чуть в стороне от Мадрида реке Гвадарраме. Александрин хотела поехать с ними, но брат не собирался брать ее с собой, понимая, сколько хлопот она доставит своим присутствием.

– Я тебе не нянька, Александрин! Ты не поедешь с нами, в последний раз говорю.

Девочка по лицу брата поняла, что настаивать нет смысла.

– Что, и эта мелочь с нами просится? Некогда нам с тобой

тетешкаться! – засмеялся появившийся откуда-то юный испанец.

Александрин смерила лучшего друга брата испепеляющим взглядом. Когда Армэль и Камило запрыгнули в седла, она топнула ногой и чуть не заплакала. Но тут же придумала, как отомстить.

Камило, который хоть и был сыном кучера, благодаря хорошему отношению к нему графа и дружбе с Армэлем, чувствовал себя в их особняке как дома. Недавно девочка стала свидетельницей того, как в одной из комнат юноша уединился с горничной. Пробравшаяся за штору, пока они, увлеченные друг другом, ничего не видели, девочка стала наблюдать. Камило был рослый, крепкий парнишка года на полтора старше Армэля. Поэтому молоденькие горничные млели от его внимания. И вот, целуясь с очередной пассией, он вдруг повалил ее на кровать и стал поднимать юбки, пытаясь пробраться под них.

– Эй, эй! – вдруг остановила его девушка. – Куда так быстро!

Тогда сыну кучера пришлось отступить. Он и подумать не мог, какую злую шутку этот случай вскоре с ним сыграет.

Александрин понимала, что если расскажет все как есть, это вряд ли кого-то удивит, и Камило точно не накажут. Поэтому выдумала свою версию произошедшего.

Девочка пришла в кабинет отца. Граф писал какое-то письмо. Его лицо было нахмуренным и сосредоточенным.

Усевшись на пуфик неподалеку от него, Александрин вздохнула. Наконец отец обратил на нее внимание.

– Что случилось, мадемуазель? Что вы так тяжело вздыхаете?

– Батюшка, знаете, что сделал Камило? Он меня на кровать повалил и пытался под платье рукой залезть, – вдруг выпалила она. – Но я вырвалась.

То, как изменилось лицо графа, по-настоящему напугало девочку. Он поднялся, внимательно глядя на нее. И от этого взгляда ей стало так страшно, что она неожиданно заплакала. Граф трактовал причину ее плача по-своему. Чтобы не пугать ребенка еще больше, он попытался успокоиться, взял девочку на руки и понес к няне. Та тут же принялась утешать малышку. Тем временем Арман бросился в пристройку для челяди, где рассчитывал найти Камило, но ему сказали, что мальчики недавно уехали.

Едва они успели вернуться, как несчастного юношу схватили и куда-то поволокли. Ничего не понимающий Армэль побежал следом, но его грубо оттеснили. Однако виконт не отступал. Он забрался на скамью и в окно увидел ужасное зрелище – его отец избивал друга плетью, применяемой для управления лошадью.

– Нет! Не надо! – со всей мочи кричал Армэль. – Не надо, батюшка! Остановитесь!

Сам же сын кучера только стонал или вскрикивал при особенно сильных ударах.

Вечером, чтобы повидаться с детьми, в особняк приехала графиня де Куси. Увидев дочь плачущей, она стала расспрашивать, что случилось. Александрин рассказала, какую придумала историю, и что теперь отец бьет Камило.

– Такого правда не было? – гладя девочку по голове и вытирая ей слезы, спросила Анна.

– Правда, матушка, никогда-никогда!

Камило уже был без чувств, когда графиня вбежала в пристройку и бросилась к графу. Арман разъярился до безумия. Его белая батистовая сорочка промокла от пота, не смотря на холод. А спина и ягодицы лежавшего на скамье лицом вниз Камило стали багровыми от вспухших рубцов и крови. Вельможа даже не удивился при появлении жены. Лишь когда она, рискуя сама попасть под удар, вдруг схватила его за плечо, притянула к себе и прошептала в ухо «Она все придумала!», так и застыл с занесенной для удара плетью.

Граф приказал принести ужин в кабинет. Графиня думала, что и Армэль не придет, но он явился. Уселся за стол и выпалил, пристально глядя на сестру:

– Лекарь сказал, что у Камило горячка, и он может не дожить до утра.

Александрин вся съежилась под его взглядом. И неожиданно случилось что-то странное – девочка покачнулась, едва не упав с табурета. Графиня вовремя успела подхватить дочь. Та была без чувств.

– Врача, быстро! – закричала Анна.

На руках она перенесла дочь на софу в гостиную.

– Лекаря! Маленькой госпоже худо! – закричал слуга.

Услышав шум, спустился и граф. Врач, как раз бывший в особняке и следивший за состоянием Камило, уже был тут. Пощупав пульс и осмотрев девочку, он произнес:

– С ней все в порядке, она потеряла сознание от сильного волнения, каких-то переживаний. Так бывает, особенно у детей.

Армэль стоял рядом и, нахмурившись, молча слушал. Мать повернулась к нему.

– Она – дитя несмышленое, и не ведает смысла того, что наговорила. Мала она еще, чтоб такое понять. Зачем ты ее мучаешь? – тихо сказала графиня.

И только теперь заметила мужа, наблюдавшего за происходящим. Виконт опустил голову. Александрин открыла глаза. Потянувшись к наклонившейся к ней Анна, она обняла мать за шею, и той пришлось взять девочку на руки, прижать к себе.

– Сокровище мое, как ты меня напугала!

– Армэль плохой, – жалобно сказала девочка.

В своем дневнике, которому посвящала все свои радости и переживания, она спустя годы писала:

«Как же тяжело мне с ним было порой. Он казался мне злым. И это подстегивало меня всячески ему вредить. Ино-

гда я его боялась, а в другие моменты не было для меня лучшего и более близкого друга, чем он».

Франция, провинция Берри, замок Лабранш, в тот же вечер

Наставник девятилетнего виконта Огюста де Лабранша, наконец, убедил мальчика, что пора укладываться спать. Ребенок хоть и желал еще почитать о подвигах древних рыцарей, но будучи послушным и спокойным, не стал спорить – спать, так спать.

– Когда же его сиятельство приедет ко мне еще? – спросил он тихо, ложась в постель.

– Граф написал, что сможет посетить нас лишь в конце октября.

Мальчик печально вздохнул. Как только за господином Бюжо закрылась дверь, Огюст сел на постели и стал смотреть на умирающее пламя свечи. В этот момент вошла служанка, чтобы поставить на стул в углу комнаты кувшин с водой для умывания.

– Ветер шумит и не дает вам уснуть, виконт? – спросила она.

Ветер действительно глухо выл за окном, заставляя подрагивать ставни.

– Да, я не могу уснуть, – пожаловался Огюст.

Пожилая женщина присела рядом, обняла его теплой рукой.

– Я все думаю о ваших родителях… – произнесла она. – Как они могли вас оставить? Если бы мы с моим Жоэлем тогда в молодости поженились, если бы у меня родился ребенок, я бы не смогла с ним расстаться.

– Почему же меня оставили? – спросил виконт, словно добрая женщина могла объяснить ему эту несправедливость.

– Наверное, у вашей матушки были на то веские причины. Граф привез вас сюда, когда вам было всего три месяца. Где вы родились, мы не знали. Как по вам все это время скучает ваша матушка, если она еще жива! А вы должны быть очень благодарны его сиятельству за все!

Мальчик, живший на положении воспитанника, которого приютили из милости, часто думал о своих родителях. Кто они и почему вынуждены были бросить его когда-то? Повзрослев, он поймет, что причиной всего трагизма его положения является то, что он – незаконнорожденный сын…

В одном из писем Армэлю де Куси, с которым у него сложатся поистине братские, доверительные отношения, Огюст однажды напишет:

«Мне хотелось, чтобы граф был рядом чаще. Каждый раз, когда он приезжал, я был безумно счастлив. А когда ему нужно было меня покинуть, я провожал его и, возвращаясь в свою комнату, бросался на постель и заливался слезами. Он был тогда для меня всем. Центром моего мира. Я и подумать не мог, что где-то есть дети, которые видят его каждый день,

могут свободно забраться к нему на колени и даже иногда получают от него розог за непослушание. А вы, его дети, скорее всего, не понимали, как счастливы…»

Глава I Виконт де Куси прибывает в Рим

1657 г.

Женщина откинулась на подушки и, наконец, позволила своему телу расслабиться. Служанка, помогавшая при родах, передала младенца кормилице. Девочка… Дочь тут же схватила губками сосок.

– Молодец, здоровая и голодная, – одобрительно покачала головой повитуха.

Рано лишившись матери, Эжени всегда мечтала о детях. Когда у нее появился сын Луи Давид, сердце молодой женщины переполнило доселе неведомое ей чувство материнской любви. И сейчас она с нежностью смотрела на покрытую светлым пушком головку, когда кормилица баюкала ребенка. Ее обожаемая девочка… Муж, граф Леопольд ди Грациани, хотел назвать ребенка, если это будет девочка, Юстина. Но она не была его родной дочерью, поэтому Эжени, уважавшая супруга, но никогда не любившая его, решила ослушаться и дала малышке то имя, которое сама выбрала для нее.

– Анна, – прошептала женщина.

Виконт Армэль Валентин де Куси прибыл в Вечный Город ранним утром 1 августа 1657 года. Ему было 28 лет. Еще в юности выбрав для себя путь служения Богу, он шел по нему уверенно и непреклонно. Однажды даже чуть не погиб, три года проведя в Новой Франции, обращая в католичество индейцев и, в конце концов, подвергшись их пыткам. Но все это уже было в прошлом. Теперь перед ним открывались широчайшие возможности, ведь сам Папа Римский соблаговолил пригласить его, молодого священника, в ученую коллегию при Ватикане. Виконт защитил в Сорбонне диссертацию и теперь был доктором теологии и канонического права. Тому, что Армэля заметили в Ватикане, во многом поспособствовал архиепископ Парижский[1].

Но не столько все эти успехи радовали сына графа де Куси, сколько то, что он оказался в Риме. Ведь именно в этом городе живет женщина, являющаяся матерью его сына. Единственная женщина, которую он когда-либо любил.

Виконт с неподдельным интересом и восторгом рассматривал город, его величественные и поражающие своей великолепной архитектурой здания, мощеные улицы, по которым сновали прохожие, проезжали кареты.

---

[1] Его Высокопреосвященство кардинал Жан-Франсуа Поль де Гонди, известен как кардинал Рец (20 сентября 1613, Монмирай – 24 августа 1679, Париж) – архиепископ Парижский, выдающийся деятель Фронды, автор знаменитых мемуаров. Четвертый подряд представитель итальянского рода Гонди на парижской епископской кафедре.

На самом деле XVII век принес в Италию не рассвет, а скорее упадок. Страна потеряла свое влияние в мировой политике, церковь богатела, а народ нищал. Слишком велик стал контраст между роскошью, в которой жили священнослужители, и нищетой простого люда. Духовенство здесь обладало богатством и могуществом, которого порой не имели даже светские правители. Влияние церкви и непомерные аппетиты ее служителей способствовали бурному развитию Рима, появлению в городе невероятных по красоте церквей, дворцов, площадей и фонтанов.

В общем, полюбоваться было чем. Но вдруг Армэль увидел колонну заключенных. Их, должно быть, вели на работы. Нередко заключенных привлекали к строительству. Потухшие отрешенные взгляды, исхудавшие тела, источающие зловонный запах… Молодой священник с жалостью и состраданием смотрел на этих людей, чем-то напоминавших ему недавние неприятные моменты его жизни, которые тоже, промелькнув мимо, остались далеко позади.

Неожиданно один из заключенных бросился к нему, схватил за руку, и, целуя тыльную сторону ладони, проговорил:

– Однажды вы взойдете на такую высоту, что сможете мне помочь. Я буду ждать, – прошептал несчастный.

После этого стражник огрел мужчину плетью, заставляя вернуться в строй. Продолжая идти вверх по улице, виконт оглянулся назад, пытаясь удержать в памяти лицо этого заключенного и понять, что значат его слова.

В Ватикане для виконта де Куси были приготовлены апартаменты. Расположившись на кровати, пока слуга распаковывал вещи и как-то обустраивал быт, Армэль думал о том, что обязательно наведет справки об Эжени в ближайшее время.

Нравилось ли ему тут? Пока он сам не мог понять. Это так походило на его поступление в Наваррский коллеж. Воспоминания о коллеже и годах юности постепенно перетекли к тому моменту взросления, который врезается в память на всю жизнь…

Однажды вечером граф с сыном подъехали верхом к какому-то особняку. Их встретила дама лет тридцати пяти, пышнотелая брюнетка. Виконту она показалась довольно красивой и небольшая полнота совсем ее не портила.

– Вот вы какой, виконт, – улыбнулась она.

– Какой? – спросил он.

– Прекрасный.

Да и как мог не понравиться этот невысокий, но широкоплечий юноша, с черными волосами и такими же темными, круто изогнутыми бровями над синими очами.

– Ваше сиятельство, мы ждем вас утром.

– Как, отец, вы меня оставляете?

– Не беспокойтесь, виконт, скучать вам не придется, – сказав это мягко и нежно, словно мурлыча, дама приобняла его за плечи и слегка подтолкнула к лестнице, ведущей на второй этаж.

В комнате, в которой он оказался, царил полумрак. Когда она легонько коснулась его скулы, провела мягкими теплыми пальчиками по лицу, затем спустилась к шее, чуть щекоча кожу, и потом к груди, расстегивая камзол, виконт застыл, не решаясь поверить в происходящее. Он робко взглянул в ее зеленые глаза, и она улыбнулась ему. Когда она целовала его, ее губы дарили юноше немыслимые ощущения. Он и раньше целовался с женщинами, но сейчас, в предвкушении ночи любви, все было иначе. Дальше были первые, неуверенные, немного неумелые движения и ласки… Она поощряла и направляла его, помогая одолеть такую приятную и вместе с тем сложную науку.

А утром, по дороге в замок, виконт прятал смущение за нарочито сосредоточенным видом. Но периодически граф замечал, как взгляд сына затуманивается, а на лице появляется выражение задумчивого блаженства.

«Мальчик сначала стеснялся да скромничал, но потом так разошелся, будто мужчина зрелый! – смеясь, сказала тогда графу дама, имя которой так и осталось для виконта тайной. – А под утро заснул, как дитя».

– Матушке об этом нужно говорить? – когда ехали, неуверенно спросил Армэль, которому неуютно было от того, что отец знает, что между ним и дамой, к которой тот его сам же привез, прошлой ночью происходило.

– Не обязательно, – ответил граф.

Воспоминания Армэля неожиданно прервало появление

какого-то человека. Это был довольно высокий, худощавый молодой мужчина. Виконта сразу поразило в нем то, что волосы священника, видневшиеся из-под шапочки, были почти такие же белоснежные, как перо лебедя, а глаза – очень светлые, прозрачно-голубые. Мать и сестра Армэля были блондинками, но все же их волосы имели нежный золотистый цвет, а брови и ресницы отличались более темным оттенком. В отличие от них у вошедшего юноши, казалось, нет ни бровей, ни ресниц.

Виконт поднялся, чтобы встретить незнакомца. Тот сдержанно кивнул, и сухо сказал:

– Добрый день, отец Армэль. Мое имя Василий Божезларж и я направлен к вам, чтобы познакомить вас со здешними порядками. Пока вы не являетесь подданным[2], а только гостем, вам нужно соблюдать определенные правила.

Служитель церкви говорил с легким акцентом, и когда он представился, Армэль понял что он поляк.

Как всегда бывает на новом месте, человек быстрее всего сближается с тем, с кем первым знакомится. Так и вышло с Армэлем. Василий был младше него на два года. У них оказались похожие взгляды на религию, похожее отношение к Богу. Хотя Божезларж казался горячему и вспыльчивому виконту странным, поскольку прятал все свои эмоции где-то глубоко внутри, всегда оставаясь холодным и отрешенным.

---

[2] Практически все население Ватикана – подданные Ватикана, имеющие паспорт и являющиеся служителями Католической Церкви.

Оказалось, что Василий хоть и сын польского дворянина, но долгое время жил в Курляндии, в Митау[3].

***

– О нет, моя дорогая, – грустно улыбнулась графиня ди Грациани. – Я не из тех женщин, вокруг которых постоянно вьются поклонники. Мне не понять, наверное, никогда, как кому-то удается всегда быть в центре внимания, всегда быть кем-то любимой. Ради меня никто никогда не совершал подвигов и даже не дрался на дуэли.

– Может вас просто никто не любил? – колко проговорила племянница ее супруга, Исабелла Баретти.

– Может быть. Даже, наверное, это так, – невозмутимо сказала Эжени.

Наконец дамы, придерживая шуршащие юбки, вошли в церковь святой Анны. Через несколько дней здесь должен был пройти обряд крещения дочери Эжени де Брионе, герцогини де Руаль, графини ди Грациани.

Пожилой священник отец Басилио стал объяснять женщинам, как будет проходить таинство, во время которого, как считается, ребенок рождается свыше, становится членом Церкви. Он передал графине текст молитвы матери.

– Крестная мать и мать ребенка состоят в духовном родстве навсегда вместе с крестницей, – говорил служитель

---

[3] Митау или Митава (ныне Елгава) – столица герцогства Курляндского, которое существовало в западной части современной Латвии с 1562 по 1795 год.

церкви.

Неожиданно его отвлекли – мальчик-служка сообщил, что пришли из Ватикана. Священник попросил синьор подождать и удалился. Не было его довольно долго. Эжени тем временем прошла к изваянию святой Анны, матери Богородицы, и осенила себя крестным знаменем, рассматривая святую покровительницу дочери. Исабелла куда-то исчезла, должно быть вышла на свежий воздух. Она часто при посещении церкви жаловалась, что от запаха благовоний у нее начинает болеть голова.

Когда в гулком помещении послышались мягкие уверенные шаги, Эжени оглянулась и увидела священника. В руках он держал четки и маленькую библию. Встретившись с ним взглядом, женщина словно в одночасье утонула в синих глазах. Армэль застыл, глубоко пораженный этой встречей. Он надеялся на нее, но не думал, что она будет столь скорой и неожиданной.

Все мысли и чувства графини в этот момент, казалось, унеслись в пустоту. Эжени увидела, что своды потолка церкви, стены, горящие свечи, и стоящий напротив нее мужчина закружились у нее перед глазами. Ей вдруг стало не хватать воздуха. Еще мгновение – и она бы рухнула на пол, если бы ее не подхватили такие родные, сильные руки…

– Что с ней? – взволнованная синьора Баретти подбежала к Армэлю, пытавшемуся привести в чувство Эжени.

Вскоре появились отец Басилио и Василий Божезларж.

– Она лишилась чувств, – ответил Армэль.

Голова графини лежала у него на коленях, и вряд ли кто-то заметил, что молодой священник нежно касается лица женщины.

Эжени не приходила в себя слишком долго. Служка привел доктора, и пока тот осматривал находящуюся в глубоком обмороке молодую женщину, Армэль вышел во двор церкви и, опершись о колонну, задумался.

– Здесь должны пройти крестины Анны, дочери графини, – остановись рядом с ним, произнесла донна Исабелла.

– Дочери? – повторил Армэль.

– Да, графиня недавно разрешилась от бремени. Должно быть, потому и слаба еще.

– Граф, наверное, счастлив, – пробормотал виконт.

– Что вы, отец,– усмехнулась синьора Баретти. – Он, конечно, признал девочку своей и дал ей фамилию, но на самом деле графиня ди Грациани, тогда еще носившая титул герцогини де Руаль, прикатила из Франции уже брюхатая.

Священник перевел взгляд на итальянку, но та, не замечая его нервозности, продолжала злословить:

– У нее еще и сын есть, хотя замужем не была. Блудница! Если бы дядюшка не был таким своевольным и слушал родню, то никто бы ему не позволил жениться. Но он слишком влиятельный, слишком богатый и слишком влюбленный дурак.

В этот момент появился Божезларж и, тронув Армэля за

плечо, сказал, что им пора идти. Виконт, оглянувшись на церковь, будто ожидая увидеть свою возлюбленную, склонил голову, и пошел за Василием. Но потом вдруг остановился и, посмотрев на Исабеллу, спросил, на какой день назначены крестины дочери графини ди Грациани. Синьора Баретти назвала дату.

Придя в себя, Эжени ни словом не обмолвилась, что знакома с тем священником, красоту которого по пути назад всю дорогу воспевала Исабелла.

– Надо же! Очень жаль, что католические священники должны соблюдать целибат! Пропадает такая хорошая наследственность! – сокрушалась донна Баретти.

Слушая ее, и при этом улыбаясь, Эжени молчала. Она не хотела, чтобы кто-либо, а уж тем более племянница ее мужа, знал о чувствах графини к Армэлю. Более того, это могло бы помешать ей, замужней синьоре, встречаться с виконтом…

Глава II Разбитая надежда Александрин

Александрин пила сорбе[4] и смотрела в окно на то, как ее сын, Кристиан Поль де Брионе катается на пони. Его отчим, Франсуа де Вард, объяснял мальчику, как правильно держаться в седле. Графиня де Вард в волнении теребила ткань шторы. Муж в последнее время очень сблизился с ее сыном, стал принимать участие в его обучении и воспитании, хотя раньше она не замечала за супругом такого рвения. Их общую дочь Софи Франсуа обожал, а с ее мальчиком, сыном от первого брака с бароном Филиппом де Брионе, всегда общался сдержанно, не приближая ребенка к себе. Но все изменилось после того, как…

Александрин проснулась посреди ночи от сильной тянущей боли внизу живота и в пояснице. Сонное недоумение сменилось ужасом и истерикой, когда графиня обнаружила, что ее ночная рубашка, а также простыни и одеяла испачканы кровью. Она потеряла долгожданного ребенка! Франсуа

---

[4] Сорбе, также сорбет – десерт, приготовленный из сахарного сиропа и фруктового сока или пюре. В XVII веке французский сорбе представлял собой напиток из воды, сахара и лимона. Лишь в XIX веке под названием сорбе стали подавать полузамороженный десерт, в который часто добавляли алкоголь, но его по-прежнему скорее пили небольшими глотками, чем ели при помощи ложки.

так хотел сына, а она не смогла его выносить! Александрин объяло какое-то безумное, страшное отчаянье. Она металась в слезах по кровати, не реагируя на слова мужа, на суматоху служанок. Потом явился доктор.

– Выйдите, граф, – сказал он Франсуа. – Не следует мужу видеть, как жена от плода избавляется.

Посмотрев в глаза супруга, бросившего на нее взгляд перед тем, как скрыться за дверью, Александрин увидела неприкрытую глубокую боль и, кажется, слезы… До хруста в суставах она сжала пальцами подушку, и вдруг с каким-то полуплачем-полувоем вцепилась в нее зубами.

– Дайте мне что-нибудь, чтобы я умерла! – кричала она доктору. – Я не хочу ТАК жить, я не хочу быть бесплодной! Будь проклята эта жизнь!

Лекарь, пытавшийся успокоить графиню и привести в себя, был поражен. В то время в выкидыше никто не видел особой трагедии, да и младенческая смерть считалась обычным делом. А тут такое отчаянье!

– Перестаньте, сеньора, – говорил он. – Видимо этот ребенок был слабым, вы выносите более сильного и живучего. Господь милостив, он пошлет вам радость снова стать матерью.

Александрин не отвечала ничего, истерику сменила апатия. Приняв какие-то настои, облегчившие боль, она просто лежала и смотрела в потолок. Никто не понимал! Никто не понимал ее боль, не телесную, а душевную. Она сама вино-

вата в том, что с ней происходит. Когда-то она проклинала свою дочь, зачатую в результате изнасилования, она пыталась наложить на себя руки… Теперь невозможность иметь ребенка, подарить мужу сына, была карой за ее грехи. Именно так считала графиня де Вард, дочь графа де Куси.

Написав, какие лекарства ей необходимо принимать, лекарь также подчеркнул, что пару дней графине следует соблюдать постельный режим, а еще в течение нескольких месяцев, пока ее организм не оправится после такого потрясения, избегать близости с супругом.

«Господи, теперь я даже не могу заниматься любовью! Я не женщина!»

И с тех пор граф не прикоснулся к ней. Даже когда она сама в каком-то не столько страстном, сколько отчаянном порыве, принялась целовать его, пытаясь сорвать одежду, он отстранил Александрин, крепко взяв ее за руки, и напомнил, что ради ее здоровья и возможности в будущем зачать ребенка они не должны сейчас этого делать.

Что если он заведет любовницу? После того истерического приступа, вогнавшего в ступор и графа, и доктора, и домашнюю прислугу, графиня не показывала больше своих чувств, пряча отчаянье глубоко внутри. И от этого все больше замыкаясь в себе.

– Матушка, – вбежал в комнату запыхавшийся и очень оживленный маленький Кристиан. – Его сиятельство катал меня на большой лошади! Я сидел в седле перед ним, и мы

быстро-быстро скакали по дороге!

Ребенок, чуть не задыхаясь, спешил рассказать ей о столь важном событии.

– Я не боялся! – добавил мальчик.

– Какой вы молодец, мой маленький, – улыбнувшись, произнесла графиня.

Она смотрела на вошедшего мужа. Франсуа снял перчатки, и вместе со шляпой, хлыстом и плащом передал слуге.

– Я не маленький, – возмутился ребенок, которому не было еще и шести.

Своего первенца Кристиана де Брионе она родила в 17 лет и всю заботу о нем возложила на нянек, служанок и собственную мать. Самоубийство Филиппа, сломленного изуродовавшим его внешность пожаром, так подкосило его юную вдову, что ей было совсем не до ребенка. Дочь Софи Александрин впервые после родов увидела, когда та уже ходила и разговаривала. Графине казалось, что она никогда не сможет искупить свою вину перед девочкой. Франсуа молчал, но она знала, как сильно он хочет сына. Александрин никогда не забыть, как он в порыве страсти просил ее родить ему наследника. Да и сама она хотела, наконец, почувствовать себя настоящей матерью, осознать все счастье, которое испытывает женщина, когда дарит жизнь. Родив двоих детей, она так этого счастья и не испытала…

Вскоре после того, как чета де Вард приехала в Мадрид, графа и графиню стали приглашать на всевозможные балы

и приемы. Вращаясь в кругах испанской знати, Александрин узнала, что здесь ухаживания за замужними женщинами никто не считает посягательством на супружескую верность. Флирт и заигрывания является данью моде, а если какой-нибудь сеньор решит приударить за какой-нибудь сеньорой – такие ухаживания обычно носят платонический характер и воспринимается мужьями этих женщин абсолютно нормально. А так как красота графини де Вард была просто ослепительной и не нашлось бы ни одной женщины в Мадриде, способной затмить ее, неудивительно, что появилось немало желающих оказать Александрин знаки внимания. Но графиня, в отличие от знатных испанок, не отвечала даже на самый легкий флирт, чем удивляла окружающих. Только абсолютно невинное общение – все, на что мог рассчитывать любой ухажер, влюбленный в графиню де Вард.

Александрин не верила, что отношения между замужней женщиной и ее поклонником могут носить платонический характер, и, помня о том, каковы были последствия ее легкомысленного поведения в Париже, отвергала любые попытки за ней приударить.

Слушать сплетни и обсуждать жизни других людей постепенно начинало казаться графине занятным. Более того, судя по рассказам других женщин, постигшее ее горе не так уже редко выпадает в жизни, а потому ей было теперь легче с ним смириться.

Почти не побыв с ней, в тот вечер Франсуа опять уехал и

отсутствовал всю ночь. Заседание в ратуше, вопросы, касающиеся отношений с Францией… Графиня перевернулась на живот, с головой накрывшись одеялом. В ратуше ли?.. Она вздохнула и закрыла глаза.

В тишине Александрин услышала, как по полу шлепают маленькие ножки. Кто-то тихо икнул. Приподнялась на локте, озираясь, и обнаружила, что дочь стоит посреди комнаты. В темноте ее рубашка и ночной льняной чепец светились белыми пятнами.

– Моя маленькая Карамель! Иди ко мне, не мерзни, – шепнула Александрин.

Софи моментально оказалась на кровати, забралась под одеяло и прижалась к матери.

– Какие холодные ножки! Ничего, сейчас согреешься.

София Александра была довольно маленькой для своих не полных четырех лет, со смуглой кожей и темными вьющимися волосами до плеч. Очень ласковая и развитая не по годам, она уже довольно хорошо говорила.

– Мне страшно. Боюсь призрака, – прошептала девочка.

– Тут нет призраков. Это тебе брат про них рассказывал?

– Да. Кристиан смеялся, потому что я икаю. Позвал к себе под одеяло, а сам щипал меня, – пожаловалась Софи.

– Мой маленький ангел! Нельзя же бегать по дому ночью, даже если Кристиан щиплет тебя! Ты можешь простудиться.

Девочка ткнулась в щеку матери, целуя ее. Она любила матушку всей своей детской душой. К счастью, малышка да-

же не догадывалась об обстоятельствах своего рождения.

Графиня поцеловала дочь в лобик и прижалась щекой к ее темным кудряшкам. От той сладко пахло. Детством. Это было их тайной – иногда спать вместе. Франсуа это не нравилось, поэтому они так делали, когда его не было дома. В детстве бывало, что Александрин спала с матерью. «Интересно, графиня де Куси чувствовала то же, что и я сейчас?» – улыбнувшись, и крепче обнимая девочку, подумала Александрин.

***

Троекратное окунание в купель… Малышка мило ворковала и то и дело тянула в рот пальчики.

– Какая спокойная, – удивилась донна Флориэна ди Грациани – одна из сестер графа ди Грациани, оставшаяся старой девой. – Впервые вижу, чтобы ребенок не плакал во время крещения. Наверное, она так близка Богу и церкви, что посвятит себя служению Всевышнему.

– Нет! – возмутилась новоиспеченная крестная мать Исабелла Баретти. – Из ее чрева когда-нибудь родится много красивых деток. А Богу пусть служат дурнушки.

Флориэна зло зыркнула на племянницу и демонстративно отвернулась.

В натертых до блеска чашах лампад отражалось пламя свечей. Мимо колон, мимо изваяний святых, мимо застывших в немом благоговении людей тихо прошел священник.

Никто не заметил, как он вошел в церковь. Армэль взглянул на графа Леопольда. Статный, гордый господин смотрел прямо и, казалось, был выше всех окружающих и вообще всей мирской суеты. Как и многие люди его возраста и круга, граф считал патриархальный уклад в семье единственно правильным, поэтому его слово было законом для его супруги. Но он никогда не был навязчивым и не досаждал жене своими ласками, потому что испытывал чувство вины за удовольствия супружеской жизни. Граф считал супругу очень добропорядочной и скромной дамой, хоть и знал, когда делал ей предложение, что у нее есть сын и она ждет еще одного ребенка. Леопольд не спрашивал ничего о ее прошлом. Должно быть, хорошее происхождение и титул молодой женщины также сыграли немалую роль в том, что итальянец решил сделать ее своей женой.

Эжени, стоявшая рядом с мужем, придерживала рукой соскальзывающую с головы накидку тонкого кружева. Почувствовав на себе внимательный взгляд, графиня подняла глаза и обомлела – на расстоянии вытянутой руки от нее стоял виконт де Куси. Армэль улыбнулся, она тоже слегка улыбнулась в ответ.

Когда между расступившимися гостями прошла Исабелла, несшая на руках завернутого в пелены ребенка, молодой священник посмотрел в голубые глаза младенца. Такой он когда-то увидел свою сестру Александрин… Коснувшись лобика девочки, он благословил ее и мысленно пообещал вни-

мательно следить за ее судьбой.

– Какая она милая! Как вы думаете, когда она подрастет, ее глазки останутся такими же голубыми? – щебетала донна Баретти.

Когда все завершилось, и в суете покидавших церковь родственников графа ди Грациани на них никто не обращал внимания, Эжени вдруг схватила виконта за локоть и увлекла в тень колонны.

– Я так и думала, что вы придете. Нам нельзя видеться на людях, – шепнула она. – Ждите меня завтра вечером в заброшенной часовне на южной окраине города.

Армэль едва сумел разобрать ее слова в гуле голосов и собирался что-то ответить, но она уже исчезла. Виконт остался стоять, задумчиво глядя в пустоту. Он давно думал над тем, чтобы вернуться к мирской жизни. Колебался, мечась между необходимостью соблюдать церковные обеты и любовью… Да еще и это убийство человека, изнасиловавшего его сестру, легло тяжким грузом на сердце. Однажды рассказал об этом архиепископу Парижскому. Тот тайну исповеди, конечно же, сохранил, но предостерег молодого священника от совершения поступков, недостойных его сана.

… Вечерняя прогулка в карете по центральной площади Рима для итальянской знати являлась практически обязательным ежедневным мероприятием. Она позволяла узнать все самые важные новости, показать себя и поглазеть на наряды других, выяснить, кто за кем сейчас ухаживает. Поэто-

му вечерний выезд графини ди Грациани ни у кого не вызвал вопросов.

После встречи с виконтом де Куси Эжени не узнавала саму себя. Раньше она бы и представить не могла себе такого. Без смущения она ехала на свидание, тем самым обманывая дона Леопольда ди Грациани. Впервые в жизни она поступала совершенно безрассудно, не думая над возможными последствиями своих поступков и всецело отдаваясь чувствам. Графиня, конечно, осознавала, что подобным поведением может погубить себя, но ей было все равно.

Увидев его, стоящего среди развалин часовни, Эжени бросилась к виконту без каких либо объяснений, расспросов о причинах его приезда в Рим. Она желала только одного – оказаться в его объятьях.

Однако Армэль остановил ее, сказав, что она ставит под угрозу свои отношения с человеком, которым, наверное, очень дорожит. Но Эжени, прильнув к виконту и коснувшись губами его скулы, не чувствуя при этом ни малейших угрызений совести, прошептала что подлинная ее жизнь – это он.

Глава III Граф де Куси сомневается

Мазарини скончался. Перед смертью он вызвал к себе Людовика XIV. Молодой король, умевший держать себя в руках в любой ситуации, в этот момент был заметно взволнован. Кардинал всю жизнь был рядом и поддерживал его. По сути, Людовик не принимал сам никаких решений, а теперь… Теперь ему придется править самостоятельно. Это пугало молодого монарха и одновременно воодушевляло его.

Король стоял у постели первого министра. На лице его были и жалость к умирающему, и страх, естественный для каждого нормального человека, видящего смерть, и боль, потому что, по сути, кардинал заменил ему отца.

– Я ухожу, на то воля Божья, – проговорил тихо итальянец.

Людовик склонил голову, словно тоже покоряясь воле Господа.

– Перед Богом вы поклялись быть добрым и справедливым королем, – продолжал Мазарини.

– Да, – подтвердил монарх.

– И все мои старания я направил на то, чтобы вы сумели достойно это обещание исполнить. Будьте же всегда беспристрастны и не предвзяты в своих решениях. Молю вас,

помните свои обязанности перед народом Франции.

Кардинал взял с короля обещание, что тот не будет прибегать к помощи министров, а станет единоличным правителем Франции. Но посоветовал все-таки прислушиваться к Кольберу – своему помощнику.

Людовик, погруженный в свои раздумья, хотел остаться один, и даже уже было приказал, чтобы его везли в Пале-Рояль, где он когда-то жил с матерью и братом, но потом король решил, что его молодой супруге и матушке вряд ли понравится, что он оставил их одних. Анна Австрийская очень переживала из-за кончины своего первого министра. Чего не скажешь о брате короля. Филипп устроил в своих покоях очередную пирушку. Когда выведенный из себя таким поведением брата король вошел в покои Месье, тот как раз колотил слугу, случайно опрокинувшего бокал вина.

– Ваше высочество, пощадите своего раба! – стонал юноша, лицо которого было разбито, а из носа текла кровь.

– Ты пес, а непослушных глупых псов я бью! – кричал Филипп.

При виде царственного брата, герцог остановился. Но не от испуга. Улыбнувшись, он самодовольно проговорил:

– Этот человек меня прогневил, и я его наказываю.

– Разве подвиг – бить того, кто не может вам ответить? – спокойно сказал Людовик.

В тот же вечер королева-мать приняла окончательное решение о том, что ее младший сын должен жениться.

– На ком? – поинтересовался король.

Когда Анна Австрийская назвала имя той, которую выбрала в супруги Филиппу, Людовик недоумевающе поднял брови.

– Кузина Минетта? Сколько ей сейчас? Пятнадцать?

Он прекрасно помнил, как во времена Фронды Генриетта Английская, дочь английского короля Карла I, жила вместе со своей матерью здесь, во Франции, в Пале-Рояле.

– Мне было четырнадцать, когда я вышла за вашего батюшку, – напомнила королева-мать.

Заняться вопросами женитьбы Филиппа Орлеанского решено было не откладывая. Через несколько месяцев французский двор официально попросил руки принцессы у ее брата, короля Карла II. А еще спустя пару месяцев состоялась официальная церемония бракосочетания.

Приезд во Францию английской принцессы кардинально изменил судьбы двух людей – графа де Бельфлера и никому тогда неизвестной Луизы де Лавальер. Первый влюбился в Генриетту, увидев ее, сходящую с корабля в порту Кале. Он вместе с герцогом Бекингемским должен был сопровождать невесту принца. Арман был покорен английской принцессой также как и Бекингем. Из-за этого оба дворянина постоянно конфликтовали.

Луиза же вошла в свиту юной герцогини Орлеанской. Она смотрела на огромное пространство одного из залов дворца.

Здесь все было великолепным! Сверкающие витражи и мозаики, зеркала в дорогой инкрустации, канделябры из золота, мягкий свет, отражаемый мрамором и золотом. Ее госпожа, принцесса Генриетта, уже отправилась в опочивальню, и сама Луиза собиралась ложиться спать, когда мальчик паж принес ей записку якобы от графа де Бельфлера, чтобы фрейлина явилась на половину герцога Орлеанского.

Девушка уже приближалась к апартаментам Филиппа, из которых доносился шум веселья, музыка и хохот. Она не знала руку Бельфлера, но прекрасно знала, что он – благородный человек, поэтому верила ему.

Фрейлина собиралась было войти, когда неожиданно увидела короля. Людовик без парика, со струившимися по плечам темными волосами, в простой рубашке и клюлотах стоял, скрестив на груди руки и, нахмурившись, слушал, что творится на половине его брата.

Присев в глубоком реверансе, Луиза застыла, не веря, что перед ней сам французский монарх.

– Что вы тут делаете, сударыня? – строго спросил Людовик, окинув взглядом невзрачную худенькую девушку, прихрамывающую из-за детской травмы.

– Мне прислал записку граф де Бельфлер, ваше величество, – ответила она.

Луи молча протянул руку, давая понять, что она должна отдать ему эту записку. Та подчинилась, передавая королю треугольник бумаги. Прочтя содержимое письма, Людовик

без труда узнал руку маркиза д'Эффиа и понял, что Лоррен со своим дружком решили подшутить над бедной девушкой.

– Как вас зовут? – уже мягче спросил его величество.

– Луиза-Франсуаза де Лабом-Леблан де Лавальер, – представилась фрейлина, вновь приседая перед королем в реверансе.

Король вспомнил, что уже слышал это имя. Однажды до его ушей случайно донесся разговор фрейлин. Одна из них восхищалась им и говорила, что влюблена. Это была именно она, Луиза де Лавальер.

Людовик внимательнее посмотрел в лицо этой юной девушки, заметно подпорченное следами оспы. Как она отличалась от яркой и живой Генриетты, которая наверняка ждала его сейчас в своей постели!

– Вы девушка, вам нельзя здесь быть. Тут страшные вещи творятся. Тут грязь и разврат кругом, – вдруг сказал молодой монарх, увлекая фрейлину за собой.

Пораженная Луиза дрожала, как листочек на ветру, ощутив прикосновение к своему плечу руки короля.

– Вы что замерзли? – удивился Людовик, а потом, догадавшись, усмехнулся. – Или меня боитесь?

Чуть отстранившись, Лавальер подняла на короля глаза.

– Простите, ваше величество, но если правда то, что вы мне сказали, мне нужно уйти отсюда как можно быстрее… Спокойной ночи.

Девушка, подхватив юбки, поспешила прочь, оставляя ко-

роля одного – растерянного, удивленного и очарованного.

***

Граф де Куси не отходя находился у постели жены. Он словно в один момент постарел на много лет. Еще недавно ему никто бы не дал его годы. За все это время супруги не обмолвились ни словом. Потом Анна начала подниматься и ходить с тростью. Красивая трость из слоновой кости с резной ручкой, украшенной камнями, не вызвала у нее даже легкой улыбки, не говоря уж о благодарности. Но выздоровление графини волшебным образом подействовало и на графа. Он снова стал прежним.

Однако, после свадьбы короля, где они вынуждены были присутствовать вместе, графиня без каких-либо объяснений уехала. Граф узнал, что жена живет только на ренту от своего поместья Флер Нуар. Понимая, что не в силах что-либо изменить, потому что делать выбор между супругой и Огюстом он не собирался, а она только в этом случае могла бы, наверное, вернуться, Арман распустил почти всех слуг и перебрался в Лабранш. В родовом замке все напоминало о ней. Казалось, он даже слышит шлейф ее духов, словно она только что прошла по коридору или вышла из комнаты. А ее портреты… Граф не мог жить там, где прошло столько лет вместе.

От переживаний по поводу расставания с женой его отвлекли некоторые события. К нему в гости нагрянули ста-

рые товарищи Дюамель-Дюбуа и барон де Бодуан. Что за дела связывали этих двоих? Граф по своему обыкновению не стал спрашивать.

– Людовик не так давно женился, а уже фавориток заводит, – возмутился барон.

– Король весь в отца, тот тоже в юности до любовных утех был охочим, – многозначительно усмехнулся епископ.

– Насколько я знаю, напротив, покойный король… – начал было говорить барон.

– А кто сказал, что о нем речь? – поглаживая своими изящными холеными пальцами бородку, проговорил Анри.

Арман, в отличие от Бодуана, прекрасно знал, на кого намекает их друг. Но эти слухи он никогда не воспринимал всерьез, как и, в принципе, вообще любые слухи.

Смерть кардинала Мазарини была на руку человеку, которого вряд ли знали в высших политических кругах Франции. Но который уже давно метил туда попасть. Заточение суперинтенданта финансов Фуке в Пиньероль стало для епископа Дюамеля-Дюбуа, пожалуй, основным поводом для принятия такого решения… Фуке был большим другом епископа, а несправедливое отношение к нему короля и участие в этом деле Кольбера заставили Анри перейти к решительным действиям, направленным на смену власти в королевстве.

Хотя Арман поначалу отказался ему помогать, теперь граф кардинально поменял свое мнение относительно моло-

дого монарха. История с Фуке и отнятым у того имуществом, а также некоторые другие не совсем справедливые поступки юного короля, в том числе его знаки внимания в сторону мадемуазель де Брионе, причинившие боль его старшему сыну, подтолкнули Армана к этому. Граф видел, как мучался и тосковал Армэль, пока не уехал в Рим. К тому же король без веских причин отказал в повышении по службе его младшему сыну Огюсту, точнее его командиру, ходатайствовавшему за виконта. Поэтому граф решил действовать…

Улучив момент, чтобы остаться с Анри наедине, он сказал другу, что готов поддержать его в том, что тот задумал.

– Я знал, граф, что, в конце концов, вы придете к этому, – удовлетворенно сказал епископ.

Прохаживаясь по саду, они заговорили о подробностях дела.

– Он всю жизнь провел взаперти? Вы думаете, он сможет держаться в свете? – с сомнением спросил граф.

– Рядом буду я. Править железной рукой.

– Ну вы и плут! – вопреки обыкновению граф засмеялся. – Думаете, Конде, Гизы и прочие позволят вам стоять над ними?

– Позволят, – уверенно и серьезно сказал епископ. – Наконец-то мы сможем наладить отношения с Испанией. Представьте, если народ узнает о втором наследнике? Об обездоленном, несчастном юноше. Люди таких любят. За него будут, поддержат.

– А этот юноша… Захочет ли он сам занять место брата?

– Не беспокойтесь, я найду нужные аргументы, чтобы убедить его. А король… Он и не заметил бы заговора даже у себя под носом, – насмешливо сказал Анри. – У него дела государственные – дам в будуарах посещать, в карты играть с придворными бездельниками, да по охотам носиться.

Арман подумал, что друг недооценивает французского монарха и невольно вспомнил, как Людовик, будучи пятнадцатилетним подростком, у него в замке поднял бокал со словами: «Роду графа де Куси многие лета!»

– Такие действия грозят нам всем страшной бедой, Анри. Никому, кто в этом примет участие, не будет пощады, а уж нам точно головы не сносить.

– Ну, нам не привыкать рисковать, да, мой друг? – улыбнулся прелат.

Дюамель-Дюбуа, привыкший к благосклонности фортуны, еще не знал, что вместе с главной любовью его жизни герцогиней де Кардона капризная удача уже отвернулась от него.

Глава IV Графиня де Вард сбегает от мужа к цыганам

Франсуа вернулся поздно вечером и застал жену в гостиной в обществе слуги, которого ее отец, граф де Куси, отправил вместе с ней в Испанию. Та не слышала, как он вошел. Александрин расположилась на софе. Полулежа, она отщипывала от виноградной грозди ягоды и медленно отправляла в рот. Слушала, как Теодор пел, аккомпанируя себе на гитаре.

Графиня задумчиво откусила кусочек от крупной виноградины и провела сочной мякотью по губам. Франсуа увидел, как томно опустив ресницы, Александрин покусывает подушечку пальца, слизывая с нее сок.

Это ревнивое воображение рисовало графу де Варду такое столь соблазнительное поведение жены в обществе слуги, или на самом деле она позволяла себе чересчур благосклонное к нему отношение, не подобающее женщине ее статуса? «Паршивка что вытворяет! Вся в матушку свою», – подумал он.

Как только затихли последнее гитарные аккорды, графиня улыбнулась и захлопала в ладоши.

– Как тебе повезло, Теодор, – восхищенно сказала моло-

дая женщина. – У тебя талант!

Юноша смутился и чуть покраснел. То, что Теодор влюблен, было очевидно. Но неужели и она?

– Графиня, – наконец Вард привлек к себе внимание.

При виде супруга молодая женщина перестала улыбаться.

– Кристиан ждал вас, чтобы показать свою шпагу. Теодор выстрогал ее из дерева, – проговорила Александрин. – Но, не дождавшись, заснул.

Она заметила, что муж чем-то недоволен. А граф все же решил зайти к пасынку. Свечи в спальне не горели, поэтому Вард вошел, неся огарок. И увидел, что в постели, словно два птенца в теплом гнездышке, спят в обнимку Кристиан и Софи.

Услышав громкий плач дочери, графиня поспешила узнать, что произошло. Франсуа быстро шел по коридору, неся на руках заливающуюся слезами Софи. Лицо его было таким злым в этот момент, что даже Александрин испугалась.

– Что случилось? – хрипло спросила она, после чего откашлялась.

– Кто допустил, чтобы моя дочь спала в одной постели с мальчиком? – воскликнул Франсуа.

Он передал девочку няне.

– Она сама убежала из своей комнаты, сеньор граф! – стала оправдываться испанка.

– Софи должна спать в своей кровати, и вы обязаны строго

следить за этим! – почти кричал он.

Поклонившись, насколько это было возможно с ребенком на руках, испуганная женщина удалилась, на ходу утешая малышку.

– Зачем вы это устроили? Напугали детей, – проговорила Александрин, когда супруги остались одни. – Софи сама приходит к брату или ко мне спать.

– Больше такого не будет, я запрещаю.

– Но что в этом плохого? Они маленькие дети…

– В том то и дело, что они маленькие дети, а вы потакаете их глупым прихотям, взращивая в них дурные наклонности!

– Что?! – задохнулась Александрин от возмущения. – Как вы можете!

– Я не знаю, сударыня, может для вас нормально спать с братом, но…

Не дослушав, Александрин вдруг залепила ему такую пощечину, что Франсуа на миг застыл от неожиданности.

– Вы так говорите, потому что сами с детства проводили ночи с теткой! Вот и других подозреваете в таких грехах!

Ее слова вдобавок к пощечине окончательно вывели из себя графа. Его разум затмила бешеная ярость, и он с размаху ударил жену, отчего она не удержалась на ногах и упала на постель. Александрин пыталась увернуться, но ее настиг второй удар. Она закричала от ужаса, к которому примешивалась злость, лягнула мужа ногой, попав ему по бедру. И, судя по всему, сильно лягнула. Это, кажется, отрезвило

Франсуа, и он осознал, что случилось. Отступил, исподлобья глядя на жену. Стоял перед ней высокий, тяжело дышащий. А она смотрела на него ошалелыми глазами. Лежала, вся сжавшаяся, опираясь на локоть, словно готовая вскочить и убежать. В этот момент в спальню влетел Теодор, вмиг оказавшись возле графа.

– Не бейте! – крикнул молодой человек, хватая господина за руку.

Слуга слышал крик хозяйки и бросился ей на помощь. Граф, разъяренный вмешательством челяди, откинул парня в сторону.

– Да как ты смеешь, каналья! – взревел он.

Схватив Теодора за одежду, он встряхнул его, отчего тот ударился головой об стену. Александрин, прижав ладонь к губам, смотрела, как ее слуга падает на пол, а из раны на его лбу сочится кровь. Франсуа приказал оттащить Теодора в пристройку и приготовить плеть. Скинув камзол, граф мельком посмотрел на жену, и ушел.

– Меня никто никогда не бил, – глотая слезы, шептала Александрин пока служанка обрабатывала ссадину от кольца графа на ее плече. – Только однажды отец чуть было… Его матушка остановила. Я в тот миг испугалась так же сильно, как сейчас.

Филипп де Брионе поднимал руку на молодую супругу, но его пощечины, казавшиеся ей тогда катастрофой, не шли ни в какое сравнение с тем, что сделал де Вард.

Александрин вспомнила, как узнав, что Филипп обрюхатил ее, отец, уже уговор заключивший о браке дочери с сыном маркиза де Ла Рискаль, так разъярился, что едва не зашиб свое дитя.

Вспомнила и как кричала:

– Я не хочу замуж за него! Я тогда лучше вообще замуж не выйду или утоплюсь!

– Да как ты смеешь перечить моей воле, мерзавка! – впервые в жизни граф позволил себе такие слова в адрес дочери.

– Какую породили!

Граф бросился было к ней, но графиня стала между ними.

– Остановитесь! Вы убить ее можете! Одумайтесь!

– Так и знал, что добром не закончится то, что она перед ним хвостом крутит! Ноги этому паскуднику переломаю!

Графиня де Вард зажмурилась, будто снова оказалась перед разъяренным отцом.

– Когда я понесла от Филиппа, батюшка грозился заточить меня в монастыре. Мне пришлось бы принять постриг, – проговорила она.

Здесь, в Испании, ей не с кем было делиться своими бедами, вот и рассказывала все служанке.

– Ваши дивные золотистые волосы обрезать просто грешно! – воскликнула женщина.

«Чем лучше я узнавала Франсуа, тем больше он казался мне похожим на моего батюшку. Даже в характере Армэля

не было столь явных черт отцовского сложного и грозного нрава. А Франсуа хоть и никакой не родственник семейству Куси, но так же, как и мой отец, он бывает невыносим. Когда батюшка грозился заточить меня в монастырь за то, что понесла от Филиппа, ослушавшись воли родителя, я думала, что умру от страха. Даже мысленно просила Господа лишить меня жизни, чтоб избавиться от этого ужаса. Нечто подобное я испытала и при виде разъяренного Франсуа. Он может быть страшно жесток! И взгляд становится безумным. Мадам Перо, моя компаньонка, когда-то пояснила такой нрав батюшки тем, что он рожден, когда над миром господствовало созвездие Овна. Это что-то из модной нынче астрологии. Не знаю, что это значит, но мадам Перо такими вещами увлекается. Так вот Франсуа тоже рожден в середине весны, выходит, он тоже появился на свет, когда на небе царил Овен. Может оттого такое сходство и такие сложные характеры?»

На следующий день пришло письмо от Армэля, в котором он рассказывал о событиях во Франции. Стало известно, что Огюст де Лабранш – их брат, рожденный от связи отца с герцогиней де Кардона, и мать об этом узнала. Также он писал о том, что с графиней де Куси случилось несчастье.

Вард видел, как супруга, одетая в строгое серое платье, очень бледная, с убранными в косу, уложенную в виде короны, волосами, спустилась в гостиную и забрала адресованное ей письмо. Читала она его у себя в комнате, поэтому Фран-

суа не знал о содержании, хотя обычно она делилась с ним новостями из дома.

Узнав о том, что случилось, она упала на постель и разрыдалась.

– Мне жизнь не мила! – проговорила графиня, когда горничная пыталась ее успокоить.

– Вы что, не говорите так!

Александрин некому было рассказать о случившемся, вот и сидела одна, переживая постигшее ее горе. Франсуа, понимая это, не находил себе места, но после всего, что произошло, не решался войти к ней. То останавливался у ее двери, то уходил и садился в кабинете за стол, думая над чем-то.

– А граф так и кружит вороном. Видно тяжело у него на душе, – пробормотала одна из служанок.

Лишь поздно вечером, когда жена, так и не выйдя из своей комнаты, заснула в слезах, граф прочел лежавшее у нее на покрывале письмо.

За что это все на них навалилось? Франсуа не сказал супруге, какой скандал разгорелся сегодня в ратуше при появлении адвоката Саласара. Один чиновник по фамилии Гальярдо стал над ним насмехаться, и проскользнула фраза о том, что когда-то в жены Рафаэлю Саласару была обещана дочь французского аристократа графа де Куси, но ему отказали из-за того, что его отец разорился[5]. «А потом девка по-

---

[5] О несостоявшемся браке Александрин с Рафаэлем Саласаром упоминается в первой части трилогии «Наследники графа. Александрин».

несла от своего дружка и ее поспешно выдали замуж. И не удивительно. Шлюхино семя. Ее мамаша в свое время тут с английским послом развлекаклась!» – обмолвился Гальярдо. За что и получил от графа де Варда кулаком в лицо. Не благородно и грубо? Зато действенно. Только вот что их теперь ждет здесь? Как они будут жить дальше?

Утром к графу де Варду прибыл курьер с сообщением, что король созывает какое-то срочное заседание и Франсуа пришлось уехать. Графиня до полудня лежала в постели. В комнате все еще пахло лечебным мазями. Так значит, у нее не один, а два старших брата… И ведь чувствовала же в Огюсте что-то близкое, родное! Едва уловимое сходство с Армэлем теперь стало объяснимым. Вспомнила, как впервые увидела Лабранша, неожиданно пришедшего ей на помощь в одном из пустынных коридоров Лувра. Даже символичным теперь показалось то его появление. Такой красивый, смелый, добрый виконт… Ставший причиной расставания родителей. У Александрин от боли разрывалось сердце. Она не могла ненавидеть Огюста, потому что он этого не заслуживал. Но, получается, должна была. Когда-то он спросил у нее, что если бы отец изменил ее матери, и она убежденно заявила – такое невозможно. Тогда как живое доказательство этой измены было перед ней… Огюст знал или догадывался, и хотел понять, как бы отнеслась к этому она. Как же он, наверное, несчастен! И как несчастна теперь матушка! И их отец… и его мать… Графиня де Вард перевернулась на другой бок и

ощутила как по лицу, щекоча кожу, стекают теплые соленые капельки.

«Как все-таки ужасны мужчины! Мне было больно разочаровываться в брате, который охмурил Эжени, а потом уехал в Париж, где развлекался с другими женщинами! Но батюшка… Я всегда считала его непогрешимым. А он… разве имеют они право после этого обвинять в чем-то нас, женщин? Сдается мне, у каждого даже самого чопорного ханжи мужского пола есть за душой хоть один грешок и хоть один бастард!»

А случившееся с матушкой… Александрин вспомнила, как однажды упала в винный погреб, который забыли закрыть слуги. Ей повезло, что она не просто ухнула вниз, а скатилось по ступенькам. Графиня тогда безумно переживала! Впервые все видели ее такой – словно сама не своя ходила. Няню девочки сразу же уволили, а Армэля, за которым она по своему обыкновению тогда увязалась, и который не уследил за ней, весь день не могли найти. Мальчик тоже переживал и боялся, считая себя виноватым.

Чтобы хоть как-то отвлечь госпожу от грустных мыслей, Феличе, одна из немногих, симпатизировавших графине служанок, рассказала Александрин, что неподалеку от Мадрида остановились ромы. Табор довольно большой и шумный. Власти города уже угрожают расправой над чужаками, которых подозревали в том, что именно они обворовывают жителей окраин.

Как известно, в Средние века цыган всячески угнетали, обвиняя в каннибализме и воровстве детей. Были даже случаи массовой депортации или уничтожения ромов, в том числе и в Испании. Но со временем в отношении к этому народу у европейцев появилось больше терпимости. В отличие от остальной Европы, где продолжали приниматься жестокие антицыганские законы, Испания не препятствовала передвижению по своей территории кочевых цыган, ремесленников и артистов. Однако пытки, клеймения, обвинения в людоедстве наложили на этот народ свой отпечаток. Рома старались всячески обособиться и как можно меньше пересекаться с миром не цыган. Табор, остановившийся поблизости от испанской столицы, видимо, рассчитывал продать или обменять здесь какие-то свои изделия и запастись провиантом.

– Я хочу на них взглянуть! – подняла голову Александрин.

Она принялась оживленно расспрашивать служанку, что собой представляют эти люди. Рассказ Феличе так ее заинтересовал, что графиня, спрыгнув с постели, приказала, чтоб ей немедленно помогли одеться и седлали лошадь.

– Вы что, сама поедете? – ужаснулась горничная.

– А Теодор… – тихо спросила Александрин. – Как он?

– Да все с ним в порядке. Уже очухался. Хотите, позову?

– Скажи ему, чтоб тоже собирался. Он отправляется со мной.

Феличе пыталась образумить госпожу и уже сама пожале-

ла, что рассказала ей о цыганах. Но графиня не слушала. Ей было интересно увидеть кочевой народ, и кроме того, к тому, чтобы поехать, подстегивало вчерашнее поведение мужа.

– Негоже это. Графу не понравится, – наставительно сказала вдруг Феличе. – Вы были так дерзки с ним, а теперь еще эта поездка!

– Я с ним? – опешила Александрин. – А не он ли со мной? И не просто дерзок, а груб и жесток!

Потом, чтобы успокоить женщину, графиня добавила, что едет всего лишь взглянуть, подъезжать близко, а уже тем более оставаться там она не собирается. И, дескать, она и сама прекрасно понимает, каково это – если графскую жену среди простолюдинов будут лицезреть.

Спустя четверть часа мимо особняка прогарцевала на золотисто-рыжей лошадке графиня де Вард, а следом за ней скакал ее слуга и охранник Теодор на гнедом коне.

Цыганский табор поразил Александрин удивительным и несуразным сочетанием крайней нищеты и яркости. Откуда у этих людей такие красивые породистые лошади, сбруя которых богато украшена? И в тоже время их дети, перепачканные и худые, бегают практически голышом.

Сама же Александрин появилась перед ромами в красном бархатном плаще, укрывавшем ее плечи и падавшем на круп лошади, в такой же красной шляпке, украшенной белыми перьями, в золотистого цвета парчовом платье и перчатках.

Молодая цыганка, босая, с давно не чесаной копной исси-

ня-черных волос, поднесла руку к глазам, словно заслоняясь от солнца, и глядела на красавицу-француженку, чья лошадка, словно брезгуя, осторожно ступала между раскиданного на земле хлама.

– Ох, какая птичка к нам прилетела! – воскликнула другая цыганка, дородная женщина с накинутой на плечи цветастой шалью. – Добро пожаловать, красавица!

Дети столпились возле лошади, рассматривая изящную поджарую кобылу и ее хозяйку. Один малыш от восхищения так округлил глаза, что Александрин засмеялась звонким, как весенняя капель, смехом.

Теодор еще не успел спрыгнуть на землю, чтобы помочь спуститься хозяйке, как возле графини оказался молодой цыган. На нем была заметно поношенная, но все равно очень яркая красная рубаха, и довольно узкие черные штаны. Спускаясь с лошади, Александрин неожиданно оказалась в объятьях черноволосого красавца. Отпрянула быстро, и остановила уже занесшего было плеть Теодора, исподлобья смотревшего на нахала. А тому хоть бы что, лишь улыбался.

– Не смей прикасаться к супруге графа де Варда! – грозно сказал слуга и смерил недовольным взглядом хозяйку, которую, по всей видимости, следовало бы поучить беречь свою честь.

Не обращая внимания на осуждающий взгляд слуги, графиня улыбнулась цыганам, ущипнула за щечку самого младшего из цыганят, отчего тот залился смехом, и гордо вскинув

подбородок, прошествовала к повозкам, чтобы рассмотреть поближе быт рома.

По ее мнению люди эти оказались совершенно не страшными и не дикими. По крайней мере, пока ее никто не попытался обокрасть или как-то обидеть. Неизвестно, правда, что было бы, не будь с ней охранника, и не располагайся табор так близко к городу…

Откуда-то доносились стуки, похожие на звуки кузницы. Лаяли и взвизгивали собаки, шумели дети. Все здесь дышало простотой и естественностью, и оттого одновременно и пугало графиню и завораживало.

Вскоре Александрин уже сидела на подушках у весело горящего костра, слушая, как молодой цыган, подхвативший ее, спрыгивающую с лошади, играет на гитаре, а три девочки кружатся в танце, звеня браслетами. Один малыш, забравшись к ней на колени, перебирал пальчиками ее сияющие жемчугом волосы, спускавшиеся локонами вдоль лица. Потом смуглая девушка с заплетенными в толстые косы длинными волосами запела какую-то песню на языке рома. Голос у нее был звонкий, красивый. Но, опьяненная весельем, Александрин не могла долго оставаться в стороне и просто наблюдать. Поднявшись со своего места, она тоже бросилась в пляс, подражая движениям цыганок. Выходило у нее, хоть и привыкшей к чинным придворным танцам, очень ладно. Рома довольно улыбались, притопывая в такт ее движениям. Вся надменность воспитанной в строгих правилах дворян-

ской дочки куда-то разом подевалась, уступив место природной ребячливости, легкости. Выглядела светловолосая и голубоглазая, одетая в золото и красный Александрин просто божественно. Горящие глаза цыган это только подтверждали. Лишь Теодор не разделял всеобщего восхищения. Сидел, потупившись, уставившись в костер. Так расстроился, что даже лицом потемнел.

Александрин была сейчас свободна и наслаждалась этим мигом. Когда она запела, у многих цыганок вытянулись лица – такой глубокий сильный голос редко когда услышишь.

Шалая от счастья, графиня так разошлась, что не заметила, как сильно стемнело, и как вдруг встрепенулись цыгане, стали прислушиваться, озираться.

– Слышите? Едут! – прошептал кто-то.

И действительно, к лагерю приблизилось не меньше десятка всадников. Несколько мужчин вскочили, схватили кто дубину, кто хлыст, кто еще какое оружие. Из зарослей на поляну, где раскинулся табор, выехали несколько солдат. Но Александрин сразу бросился в глаза другой человек. В числе всадников она увидела Франсуа. Тот смотрел на нее так спокойно и равнодушно, что она похолодела. Графиня ощутила неловкость оттого, что ее застали в окружении людей, с которыми по положению ей не следовало общаться. И кто ему сказал? Неужто Феличе? Вот предательница!

Поднялся шум, кто-то в суматохе толкнул Александрин, она едва устояла на ногах. Граф подъехал к ней и, наклонив-

шись, протянул руку.

– Едем отсюда, – сухо сказал он.

Графиня вложила ладонь в руку мужа, поставила ножку на стремя его коня, и граф легко поднял ее, посадив перед собой. Теодор вскочил на своего жеребца и поскакал следом, ведя кобылу графини. Александрин, оглянувшись, лишь успела увидеть, как молодой цыган, снимавший ее с лошади, бросился на одного из испанских солдат и получил рукояткой хлыста в висок, отчего упал на землю и больше не шевелился. Солдаты били всех, кто попадал им под руку, кого-то хватали и волокли. Дети верещали, женщины выли от ужаса. По телу графини прошла дрожь, к горлу подступил ком тошноты. Неужели это она навлекла на табор беду? Не утерпела и так и спросила у мужа.

– Они и без вас собирались сюда ехать, – почти не разжимая губ, процедил де Вард.

После скандала с Гальярдо ему только этого не хватало. Она и сама понимала, что недостойно себя повела, и мужа этим опозорить могла. Сейчас гнев графа был оправдан. Даже удивительно было, что он так спокоен. После подобной выходки ведь действительно имел право всыпать розог.

Франсуа молчал, лишь дыхание его слышала Александрин позади себя, да тепло, согревающее ее в сырой промозглый вечер.

– Я тебя обидела. Прости. Давай забудем все, что между нами было плохого, – вдруг тихо проговорила она.

Графине стоило немалых усилий поступиться своей гордостью и сделать шаг к примирению с мужем. Ведь впереди у них целая жизнь.

Он не ответил ничего, но по тому, как его горячая ладонь сжала ее пальчики, Александрин поняла, что он больше не сердится. И стала как-то по-особому тиха, замирала, когда он, удерживая поводья, склонялся вперед, будто обнимая ее.

Глава V Анна предупреждает Монфора о заговоре

Друзья, готовя заговор, пока не догадывались, кто попытается стать им поперек дороги.

Мостовые парижских улиц блестели от дождя. Фонарщик уже зажигал фонари, когда начальник охраны короля шевалье де Монфор вошел в таверну при гостинице «Сказка Парижа». Здесь пахло воском. Сводчатые окна были задернуты тяжелыми занавесями. Мишель остановился у входа и несколько женщин бросились к нему, приобняли с двух сторон.

– Шевалье! Наконец-то вы почтили нас своим вниманием! Давно не захаживали, мы совсем истосковались.

Монфор засмеялся, обхватив их за талии и шлепнув по широким бедрам.

– Ну что вы, сударыни, как же о вас забудешь!

Однако обведя веселым взглядом зал, он осекся, замолчал и медленно убрал руки с пышных бедер и талий красоток. Повернувшись через плечо, на него смотрела сидевшая за одним из дальних столов женщина в простом дорожном платье и плаще. Это была графиня де Куси. Ее служанка задремала тут же на лавке.

Мгновение они глядели друг на друга. Сам не ожидал того, как дрогнуло его сердце при виде нее.

– Дорогая моя, что вас сюда привело? – спросил тихо шевалье, остановившись подле Анны.

– Пойдемте, сударь, – наигранно улыбаясь и посматривая на растерянных женщин, сразу сообразивших, что перед ними дворянка, сказала графиня де Куси. – Нам нужно поговорить.

– Эй, вы куда это! – словно вихрь, откуда-то налетела Полин. – Кто вы такая? Что вам нужно?

– Пошла вон, – процедила Анна и с высокомерным видом прошла по залу мимо красной от злости и унижения хозяйки гостиницы.

Вокруг раздался приглушенный ропот. Люди недоуменно переглядывались, видя, что происходит что-то им непонятное. Монфор убедил Полин, что не следует так злиться и напомнил, что скоро должен вернуться ее муж, отчего бедняжка смутилась, а графиня хмыкнула, еще больше повергая хозяйку гостиницы в растерянность.

В комнате Монфора свечи горели только на столе, оттого царил приглушенный свет. Шевалье сидел, откинувшись на спинку стула. Напротив в кресле расположилась женщина. Мужчина буквально пожирал ее глазами, в то время как дама задумчиво смотрела на свои перчатки, которые держала в руках.

– Так что вам нужно?

– Мы же давние друзья, Мишель, вы столько раз мне помогали, – проговорила с улыбкой Анна, но шевалье скептически поджал губы, не понимая, она сейчас серьезно или как обычно издевается.

– А что, всегда вам столько внимания? Я имею в виду женщин, – вдруг поинтересовалась она.

Дамы действительно вешались на военных толпами, особенно в былые времена. Когда те входили в трактиры и кабачки, красотки буквально бросались им на шеи.

На вопрос о женщинах шевалье не ответил, и продолжал выжидающе смотреть на графиню, отмечая, что она мало изменилась за это время, несмотря на все пережитое.

– Я думал, вы во Флер Нуаре, а тут такая неожиданность – в столице, да еще и здесь, в «Сказке Парижа».

Это было действительно странно, ведь графиня де Куси всегда выбирала только лучшие, а значит – самые дорогие гостиницы.

– Это получилось спонтанно.

– В смысле однажды с утра ударило в голову? – усмехнувшись, уточнил де Монфор.

– Я к вам приехала по одному делу, – серьезно сказала графиня де Куси.

– Чего вы хотите? Чтобы я убил герцогиню? Так она укатила куда-то, кажется во Фландрию. А я ни слова не знаю по-фламандски… Или Огюста? Не дождетесь. Он мне нравится.

Редко встретишь такого благородного человека, – шевалье, конечно, слышал, что произошло в шато-де-Куси.

– Да уж. Благородных мужчин в наше время днем с огнем не сыщешь, – посетовала Анна.

Видно, графиня все никак не могла примириться с открывшейся ей правдой. Последний раз он видел супругов Куси вместе давно, еще на королевской свадьбе. Оба держались достойно, никто бы и не подумал, что между ними на самом деле серьезный конфликт. Хотя шевалье поймал себя на мысли – никто не мог бы подумать, что долгое сосуществование двух таких людей вообще возможно. Однако они все же были вместе.

– Знаете, когда вы его арестовали, я совсем потеряла голову, к Мазарини помчалась – выпрашивать помилование. Так счастлива была, когда нашла вас с ним в доме той старухи, по дороге в Нуази, когда вы от герцогини де Лонгвиль ехали и на вас напали.

Говоря это ровным голосом, Анна смотрела в пустоту. Ей нужно было кому-то высказаться, кому-то, кто ее поймет.

– Он перевернул мой мир. До встречи с ним я презирала мужчин. От них пахнет потом, лошадьми и вином. Они грубы и жестоки. А он казался мне другим, – продолжала графиня. – А теперь я не могу думать о нем. Сразу представляю его в постели с ней… Как он ласкает ее тело, как потом шутит с ней, как ей улыбается… Господи, я однажды сойду с ума от этих мыслей! Знаете, что я видела? Когда-то я стояла

за шторой, а она в этот момент расстегнула его кюлоты и… Лучше б я тогда умерла! Он так убедительно говорил, что ничего у них не было… Думаете, граф де Куси никогда не лжет? Тогда я тоже так думала! Как он мог с ней!

– Да не так там все было, как вы себе навыдумывали! – бросил де Монфор, раздраженный этими ее разговорами. – Послушайте. Это уже случилось, произошло. И это уже в прошлом.

Ему порядком надоело исполнять роль жилетки. Тем более угнетают такие подробности от женщины, к которой неравнодушен. Женщины, похвалявшейся своей властью над мужчинами, но не сумевшей совладать с одним…

– Есть ли что-нибудь на свете страшнее, чем это? – вдруг спросил шевалье.

– Я не знаю.

– А если кто-то из ваших близких заболеет или умрет?

– Скажете тоже!

– Ну это же страшнее, чем измена двадцатилетней давности.

– Да, – вздохнула она. – Остается только понять, что делать дальше. Вот так прожить с ним всю жизнь, а в результате остаться одной…

– Вы не одна, – возразил шевалье.

– Да одна я, одна.

– Может, вы перестанете говорить о своем муже? – нахмурился де Монфор.

Анна глянула изумленно, потом с насмешкой, а затем вдруг как будто что-то поняла.

– Перестала. И что?

– И скажете, зачем приехали.

– Епископ Дюамель-Дюбуа, готовит заговор против его величества.

Монфор даже подскочил. Всем своим возмущенным видом он словно говорил, что она ему вот уже полчаса морочит голову какой-то чепухой, а о самом важном сказала только сейчас!

– Откуда вы знаете?

– Он предлагал графу поддержать его.

Она рассказала, что целью Анри было стать тайным правителем Франции, посадив на трон подвластного ему короля. Слушая это, Монфор нервно постукивал пером по столу. Графиня не могла понять, знал ли он до этого, что принцев было двое.

– А вам-то это все зачем? – вдруг спросил шевалье.

– Вмешиваясь в эту авантюру, граф рискует благополучием моих детей, – сухо ответила графиня. – Кстати, епископ отчего-то уверен, что король – ваш отпрыск.

Монфор не подтвердил, но и не опровергнул это.

– Когда и каким образом должна произойти подмена? – поинтересовался шевалье.

– Этого я не знаю.

Офицер ходил по комнате, размышляя над всем ею ска-

занным. Если осуществится задуманное Анри, у которого большая поддержка в Испании, да и тут наверняка немало людей могут ему помочь, что тогда будет с ним самим, Монфором? Для него возвышение много значит, он всегда хотел достойного положения. И он знал, что при Людовике его получит. Да и верен шевалье был законному правителю, и привязан к нему…

Наблюдая за ним, графиня вспомнила свои собственные слова, которые говорила дочери перед отъездом той в Испанию: «Ты должна помнить – только граф де Вард будет твоим мужем и господином, а Теодор пусть остается просто воздыхателем при тебе. Женщине нужно, чтобы рядом был кто-то, кто ее преданно и беззаветно любит». «Как при тебе господин де Монфор?» – уточнила тогда Александрин.

Все-таки ее дочь умнее, чем говорят. О Монфоре вон не забыла напомнить. А ведь Анне всегда было приятно, когда чувствовала на себе его взгляд. Хотя и не любила его.

И ей вдруг стал невыносим весь этот разговор. Она резко встала и подняла плащ.

– Вы куда?

– К себе. Я сняла здесь комнаты.

– Останьтесь.

– Что? Нет.

– Тогда я приду к вам.

– Нет. Я не привыкла проводить ночь с мужчиной под аккомпанемент истеричных воплей его дамы.

– А кто говорит о ночи любви?

– Вы.

– Я?!

Монфор подошел и, взяв из ее рук тяжелое бархатное одеяние, сам накинул плащ ей на плечи, коснувшись кожи. Она вздрогнула, и он это почувствовал. На какое-то мгновение его ладонь задержалась на ее плече, пальцы, будто случайно, погладили ключицу. Воцарилась полная тишина. «Что за аромат? Майоран…» – подумала графиня не к месту, взволнованная и растерянная.

– Может быть вы уберете свою руку? – произнесла она через секунду твердым голосом.

– Вам неприятно? – он продолжал мягко поглаживать основание ее шеи.

– Неприятно.

– А по глазам не скажешь.

Нервно дернув плечом, она отстранилась.

– Не говорите больше так с Полин, она вам не служанка, – вдруг сказал де Монфор.

– Ах, ну что ж, я понимаю, – полу смеясь, полу гневаясь, сказала графиня. – Как вам будет угодно.

Завязывая ленты плаща, она посмотрела ему в глаза, потом отвела взгляд.

– Кстати, этой Полин можно доверять?

– Да. Она выполняет некоторые мои поручения и хорошо справляется.

Утром Полин сама принесла Анне в комнату завтрак. Она была очень оживлена и довольна. Видимо, ее так радовало то, что гостья спала в своей комнате одна.

– И что ваш муж? Приехал? – спросила у нее графиня, которая отнесла столь доброе расположение духа хозяйки именно к этому событию.

– Ой, да нет, он давно сбежал!

– Да вы что? А как же…

– Господин де Монфор просто пошутил вчера.

– Понятно.

Поменяв полотенце и немного прибравшись в комнате, пока гостья нежилась в постели, Мадлен собралась выходить.

– А он очень хороший человек.

– Кто? Ваш муж? – графиня де Куси села, откинув назад волосы.

Сейчас, в обычной сорочке, без украшений и роскошного одеяния, она уже не внушала хозяйке гостиницы такого благоговейного трепета.

– Господин де Монфор. Правда. Очень хороший.

Глава VI Король и Луиза в гроте, а Армэль узнает, что он великий грешник

Луиза сквозь сон услышала какой-то шум. Открыла глаза и увидела, как в окно влезает мужчина. Спрыгнув на пол, он чуть не наступил на собачку фрейлины, которая пронзительно взвизгнула.

– Черт! Пошла прочь! – прошептал незнакомец.

Лавальер расслышала голос короля. Он уже несколько раз присылал ей цветы и подарки, но драгоценности она отсылала назад. И вот Людовик перешел к решительным действиям.

– Ваше величество! Что вы здесь делаете? – прошептала девушка, сев в постели.

– Вы меня обижаете, не принимаете мои подарки. Я пришел узнать, почему.

Луиза вздохнула.

– Сир, умоляю, простите меня…

Людовик засмеялся.

– Не стоит так серьезно все воспринимать! Я же пошутил.

Он сел на постель Луизы. Она постаралась отстраниться, и он заметил это ее движение.

– Вы однажды сказали, что любите меня… – произнес король тихим серьезным голосом. – Вы не из тех, кто врет о таких вещах. Стало быть, говорили правду. Почему же вы тогда так меня боитесь… Я не знаю, как иначе назвать ваше поведение.

– Я действительно говорила правду, ваше величество. Но ведь это большой грех! У вас есть супруга.

Людовик встал, и прошел по комнате, скрестив на груди руки. Она видела, как в темноте светится белым пятном его рубашка с пышными кружевными манжетами.

– То есть, вы желаете, чтобы я ушел? – спросил он.

Она молчала.

– Ну что ж. Извините, сударыня, что потревожил вас столь поздним визитом, – недовольно сказал Людовик.

Когда король исчез тем же путем, что и появился, Луиза упала на подушки и расплакалась, сама не понимая – от счастья или стыда.

«Эта маленькая фиалка, прятавшаяся под травой, стыдилась быть любовницей, быть матерью, быть герцогиней» – сказала позже о Луизе де Лавальер маркиза де Севиньи.

И была права. Луиза всю жизнь страдала от того, что любя короля, чувствовала себя из-за этого презренной грешницей. А в самом начале их отношений она всячески избегала Людовика, который, в свою очередь, повсюду следил з ней горящим взглядом. Его страсть еще больше распаляло то, что он видел, как она мечется и колеблется.

Король понял, что Луиза целомудренна, оттого и так страшится оставаться с ним наедине, стесняется его, вся сжимается в его обществе. Ора де Монтале рассказала ему, что у Луизы никогда не было поклонников. Ора также поведала королю, что Луиза бережно хранит все его записки, а в ее книгах между страниц лежат лепестки подаренных им цветов.

Молодой монарх еще несколько раз залезал в комнату Луизы через окно, но самое большее, чего смог добиться – долгой задушевной беседы до самого рассвета. Причем сам он сидел в кресле, а Лавальер, закутавшись до подбородка в одеяло – в постели.

День, выбранный для пикника, выдался очень теплым и солнечным. По парку гуляли под руку дамы и кавалеры, неспешно ступая по усыпанным гравием аллеям, по обеим сторонам которых росли пушистые кустарники редких видов. Лишь Мария-Терезия, недавно узнавшая, что находится в положении, и плохо себя чувствовавшая, не вышла на пикник.

Принцесса Генриетта в окружении своих дам расположилась под густыми кронами деревьев, в прохладной тени. Здесь находилась беседка в античном стиле, с мраморными колоннами. На скамейках были разложены подушки, а в центре – столик, на котором стояло блюдо с фруктами.

Утро совершенно не предвещало плохой погоды. Но днем

буквально за считанные минуты небо из ясного голубого превратилось в графитово-серое. Неожиданно началась гроза. Генриетта и ее фрейлины с визгом бросились под защиту летнего павильона, потому что беседка не вмещала всех, желающих укрыться от потоков воды. Да и в павильоне уже было много людей, поэтому не успевшая за всеми Луиза де Лавальер растеряно остановилась. Она видела, что ей там места нет, а насмешливый взгляд принцессы окончательно выбил почву у нее из-под ног. В последнее время Генриетта просто изводила ее придирками, травила и насмехалась. Но вдруг рядом оказался сам король. Лавальер сначала не поняла, почему так вытянулось хорошенькое личико герцогини Орлеанской, а среди придворных, прятавшихся от дождя в павильоне, прокатился удивленный ропот. Оказалось, Людовик, не обращая внимания на ливень, снял свою широкополую шляпу и поднял ее над головой Луизы.

– Идемте, сударыня, в дальнем гроте полно места, – сказал он.

Они почти бежали под теплым дождем по парку, не обращая внимания на провожавшие их взгляды.

В гроте молодые люди остались наедине. Было зябко и сыро. Людовик тряхнул мокрыми волосами. Подойдя к Луизе, он мягко коснулся ее шеи, щеки и вдруг запустил пальцы в ее волосы, ласково гладя затылок. Она попыталась отпрянуть, выжидающе посмотрела на вход в грот.

– Перестаньте вы туда смотреть, – прошептал он. – Там

все равно никого нет. Вам никто не придет на помощь.

Именно он должен сделать ее женщиной. Она не должна делать такой подарок ни одному мужчине в мире. Только он!

Король приблизил лицо к ее лицу, прижался лбом к ее лбу.

– Посмотрите лучше на меня, – он сказал это призывно и властно.

Луи ловил ртом ее приоткрытые губы – сначала верхнюю, потом нижнюю. Его дыхание обжигало ее, щеки Луизы стали розовыми, она часто дышала.

– Я – ваше развлечение? – вдруг тихо спросила Луиза.

– Вовсе нет, – серьезно ответил он.

– Я не привыкла к такому. Для меня все по-настоящему.

– Для меня тоже, – шептал Людовик, покрывая поцелуями ее шею, ключицы, выступавшие в декольте полукружия груди. – Я не хочу, чтобы мой цветок сорвал кто-то другой. Этот момент я запомню на всю жизнь! Прошу тебя, сделай мне подарок!

Поцелуи становились все горячее… он целовал ее плечи… все было как во сне… Уверенно и решительно нащупал корсаж, провел пальцем по кружевам и лентам. Ее тело трепетало под защитой китового уса. Но эта преграда была преодолена довольно быстро. Король умело и безошибочно расшнуровал корсет. Она задыхалась, видя, как он расстегивает крючок за крючком. Инстинктивно Луиза влеклась к нему, впервые в жизни познавая любовь…

А Людовик был внимателен и восхищен. Рука короля настойчиво скользила под платьем по бедру девушки вверх. Он чувствовал, что она дрожит, порывается сжать бедра. Но не делает этого, разрешая ему все. Лавальер не знала, как отвечать, поэтому полностью доверилась Людовику. И не знала она, что на самом деле красива. Да, не яркой, но нежной и мягкой красотой. У нее была молочно-белая кожа и изящное тело, которым другая бы гордилась. Она стеснялась смотреть на короля, в то время как он ее оценивающе разглядывал.

Когда он вошел в нее, и она вскрикнула от боли, задрожала крупной дрожью, Людовик замер, не двигаясь и прислушиваясь к ощущениям. Лавальер открыла глаза, посмотрела на него самым чистым и любящим взглядом, который он когда-либо видел. Ее голубые глаза были полны слез, серебристыми капельками они стекали по щекам. Людовик склонился к ее лицу, и принялся губами осушать ее слезы, двигаясь в ней медленно и осторожно.

«Теперь она точно только моя! Никуда не отпущу эту маленькую фрейлину! Никому ее не отдам!»

***

– Тебе нравится здесь? В Италии, – поинтересовалась Эжени.

Одетая в легкий кружевной пеньюар, она пробежала на цыпочках по полу и скользнула на кровать. Ее волосы,

небрежно стянутые в тяжелый узел на затылке, от быстрого движения рассыпались темными прядями по спине, несколько локонов выбилось у лица. Было утро, и графиня поспешила раздать слугам поручения, чтобы те не беспокоили ее по пустякам и дали возможность еще немного понежиться в постели. С любимым…

– Да, – ответил виконт де Куси. – Раньше мне казалось, что трудности меня уничтожат. А когда очутился здесь, почувствовал, что мужество возвращается и я, оказывается, на многое способен.

– Удивительная здесь жизнь… Когда ты поедешь во Францию?

Графиня ди Грациани машинально погладила ткань своего утреннего одеяния. Такая роскошь… Она невольно бросила взгляд в большое венецианское зеркало – еще большую роскошь по тем временам. Зеркальные тайны Венеции тогда стремились выведать все монархи Европы. Эжени не верилось, что теперь она жила в довольстве и покое, пройдя через столько бед, через неуверенность в себе, через необходимость ограничивать себя во всем и экономить. И хотя сейчас ей было уже почти тридцать, ее красота только еще больше расцвела за это время, проведенное в богатстве и неге.

– Во Францию? – задумался Армэль. – Я не знаю. Возможно к Рождеству.

– Разве тебя отпустят? Ты можешь уезжать и приезжать?

– Я не гражданин Ватикана, у меня нет там таких обязан-

ностей, которые помешали бы мне уехать.

– Тогда возьми меня с собой! Я хочу увидеть графа и графиню.

Виконт помрачнел. Это не осталось незамеченным молодой женщиной.

– Что-то не так?

– Я даже не знаю, Эжени, куда ехать. Где теперь мой дом. Графиня поселилась во Флер Нуаре. А отец…

– У него что, женщина? – осторожно спросила графиня ди Грациани.

– Две, – ответил Армэль.

– Одновременно две женщины? – воскликнула она.

– Не одновременно. По очереди, – пробурчал виконт.

Армэль, весело насвистывая, прошел в гостиную, но неожиданно резко остановился. В хрустально прозрачном стекле зеркала он увидел отражение сидящего в кресле человека.

– Василий? Как вы меня нашли?

– Это было не трудно, вы не очень заботитесь о том, чтобы сохранять инкогнито.

Белокурый священник поднял глаза и взглянул на виконта. Он впервые видел его без сутаны. В темно сером бархатном костюме и ботфортах тот был великолепен. Стройный, широкоплечий, худощавый и жилистый… Из-за серой с переливами ткани костюма создавалось впечатление, что и гла-

за Армэля из синих стали серебристо-серыми.

То, что Армэль арендовал в Риме квартиру, и часто проводил в ней время вместе с Эжени, знал лишь его слуга. Как узнал об этом Божезларж, было загадкой. К счастью, сегодня виконт ночевал в доме у Эжени, потому что муж графини ди Грациани уехал в Бельгию, и будет отсутствовать целых три недели. Армэля радовало то, что друг хоть и выведал его тайну про квартиру, но хотя бы не знает ничего об Эжени.

– Вы были с женщиной? – спросил Василий.

Армэль чуть замешкался с ответом.

– Какая разница, Божезларж? – спросил он. – Вы меня осуждаете? Может, еще доложите об этом на заседании синода в Ватикане?

– Нет, мой друг, если вы выбрали этот гибельный путь намеренно и осознанно, я не собираюсь вам препятствовать.

Выражение лица Василия, которое было у него в этот момент, насмешило виконта. В нем было столько трагизма, словно виконт де Куси не спал с женщиной, а готовил покушение на Папу.

– Бросьте вы, Василий. Неужели сами никогда не поддавались искусу? – усмехнулся он. – Уверяю вас, я не шатаюсь по кабакам и домам терпимости.

Божезларж порывисто поднялся, гневно сверкнув глазами.

– Да как вы могли такое предположить, чтобы я! – он задохнулся от возмущения. – Никогда в жизни я не прикасал-

ся к женщине! Даже в мыслях!

Насмешка исчезла с лица виконта. Он понял, что если скажет сейчас какую-нибудь глупость, навсегда потеряет дружбу Василия. Армэль, конечно, замечал за последним несколько странную, ревностную верность церкви, но и подумать не мог, что тот столь истово верующий, что не просто соблюдает целибат, а вообще невинен и никогда не имел близости с женщиной.

– Вами управляет похоть… – осуждающе говорил Божезларж. – Люди слабы, и потому становятся ее пленниками. Но вы… Вы же поклялись служить Богу!

Сколько, оказывается, в этом ханже снобизма и нудного нравоучительства. Уж не лицемерил ли молодой поляк, так яростно выступая против плотских отношений с женщинами?

– Нет, Василий, не похоть, – спокойно возразил Армэль и опустился в кресло. Задумчивый взгляд его затуманился при мысли об Эжени. – Это неповторимое чувство, когда тебя где-то ждут, когда ты кому-то нужен. Живому человеку, а не Богу.

Глава VII Кокетка Александрин, ревнивый де Вард, и гордая испанка

Конфликт де Варда и Гальярдо, разгоревшийся после того, как последний, оскорбляя адвоката Саласара, упомянул имя супруги графа, мог завершиться дуэлью. Но пока Франсуа ограничился тем, что ударил Алессандро Гальярдо кулаком в лицо, чем неожиданно для себя заслужил настоящее восхищение у местных дам. «Ну вы даете, Алессандро, – говорила одна красотка несчастному Гальярдо. – Французский дипломат вам лицо начистил! Никогда бы не поверила». Саласар же, по слухам, все-таки дрался с обидчиком. Чем там все завершилось, граф не интересовался, тем более что оба участника дуэли остались живы. Сам Вард не исключал, что, возможно, и ему все-таки придется скрестить шпагу с Гальярдо, однако как посольский служащий, он должен быть очень осторожен, ведь в таком скандале страдала не только его честь, но и честь страны, которую он представляет. Пока благодаря вмешательству самой королевы Марианны Австрийской, куда-то на время выславшей Гальярдо, конфликт поутих. Но Франсуа всерьез думал о том, чтобы покинуть Испанию и вернуться на родину. Зимой они с супругой со-

бирались отправиться во Францию на несколько недель. Тогда он и примет окончательное решение.

Пока Александрин пребывала в неведении относительно того, в какой скандал оказалось замешано ее имя. Она совершенно не заметила перемены в отношении к себе со стороны высшей испанской знати. Как и не ведала того, что Рафаэль Саласар, узнав, что его несостоявшаяся невеста сейчас здесь, в Испании, горел желанием увидеть ее. Напомним, что Александрин еще была младенцем, когда ее отец граф де Куси за праздничным столом пообещал отцу Рафаэля дону Саласару, что выдаст ее замуж за его сына. Однако спустя двенадцать лет, когда семья де Куси уже вновь жила во Франции, а испанец с сыном явился в замок друга с напоминанием о давнем обещании, супруге графа де Куси удалось расстроить планы обедневшего испанского дворянина и спасти дочь от столь нежеланной для нее участи.

В этот день на приеме у губернатора Александрин наконец встретилась с Рафаэлем Саласаром. Он видел ее десять лет назад и теперь был поражен красотой молодой графини. Как же тогда отец мог позволить такому бриллианту выскользнуть из его рук? Двадцатидвухлетняя блондинка француженка до глубины души поразила испанца. Она вспомнила своего неудачливого жениха, и сейчас та ситуация ей показалась забавной. Александрин, держа в руке бокал, в котором искрилось вино, и совершенно не обращая внимания на хмурый взгляд Франсуа, стояла между мужем и Саласаром

и с улыбкой говорила о тех днях, когда Рафаэль с отцом гостили у них в Кусие.

Позже, улучив момент, граф де Вард подошел к адвокату и произнес недовольным тоном:

– Моя супруга пригласила вас к нам…

– Она пошутила, – сказал Саласар.

– Я очень рад… что вы понимаете шутки, – кивнул Франсуа.

Возвращались граф и графиня домой довольно поздно. Александрин, под впечатлением от возобновленного знакомства, все не могла угомониться, рассказывая о том, как ее семья когда-то жила здесь, в Мадриде, и как потом переехала во Францию. Не смотря на то, что Мадрид XVII века – это город роскошных аристократических дворцов, церквей в стиле барокко, и процветающий культурный центр, однако уличные фонари почти нигде, кроме главных улиц и площадей, не горели. Дорогу освещали лишь два небольших фонаря, прикрепленные по бокам экипажа, рядом с козлами. В своем повествовании графиня как раз дошла до того момента, как ее, восьмилетнюю девочку, уставшую с дороги и сонную, на руках внесли в их родовой замок, когда послышался хруст и карету вдруг здорово тряхнуло. Молодая женщина, не удержавшись, упала вперед и уткнулась лицом прямо в жабо на груди супруга. Когда граф вышел узнать, что случилось, оказалось – практически отлетело колесо.

В темноте починить карету было довольно сложно. Алек-

сандрин и ее служанка, которых попросили покинуть экипаж, прохаживались по улице. Графиню это ожидание неимоверно раздражало, тем более что до особняка оставалось всего несколько кварталов.

Как-то незаметно она отошла достаточно далеко от кареты. Вдруг в темноте молодая женщина услышала шум и возню. Кажется, кого-то тянули и этот кто-то упирался. Наконец, Александрин разглядела в арке двух молодчиков и девушку. По виду очень юная, невысокая и худенькая, с длинными темными волосами, она была прижата к каменной стене, а мужчины шарили руками по ее телу.

Графиня похолодела, а ладошки стали липкими от пота. Да ведь девчонку собираются изнасиловать! Пред мысленным взором француженки пролетела тошнотворная картина из прошлого – яркий свет от свечей в канделябрах, роскошно убранная комната, валяющиеся повсюду бархатные подушки, упавший бокал, разлитое вино, полностью обнаженный мужчина наваливается на нее, его грубые, требовательны, сильные руки на ее теле, жадный, кусающий губы поцелуй… Придавив к полу, он впивается в ее шею, оставляет кровоподтек, спускается ниже, с шумом втягивая ноздрями ее запах, что-то урчит при этом, что-то шепчет хрипло и неразборчиво. И вот уже его наглые пальцы скользят по талии, животу, проникают между ее ног и причиняют боль. Он не дарит наслаждение, он его берет.

Увидев, как один из мужчин рванул на девушке одежду,

обнажая груди, и впился в ее плоть губами, а второй принялся задирать юбку, не обращая внимания на ее молчаливые попытки оттолкнуть его, Александрин побежала к карете. Схватив один из фонарей, она бросилась назад.

– Что вы делаете?! Отпустите ее!

Насильники оглянулись на красивую, богато одетую даму и, наконец, заметили карету. Слуги графа де Варда отвлеклись от починки и наблюдали за происходящим. Как и сам граф. Скрестив на груди руки, он остановился рядом с супругой.

– Она наша! Нам ее отец денег должен, а возвращать долг ему нечем, вот и отдал ее, – крикнул совсем молодой, судя по голосу, юноша.

– Какое варварство… Сколько он вам должен? – дрожащим от волнения и ярости голосом спросила графиня.

Тот назвал сумму. Александрин повернулась и умоляюще посмотрела на мужа.

– Мне нужна служанка!

– У вас более чем достаточно служанок. Это слишком большая плата за челядь, – ответил граф и вдруг увидел, как она принялась поспешно стягивать с пальца перстень, стоивший гораздо дороже.

– Ладно, постойте вы.

Он достал чеки, подойдя к свету, выбрал нужный и, протянув братьям, сказал:

– Тут больше. Деньги можете забрать у казначея. Надеюсь,

знаете, кто это и как это делается.

Старший схватил бумагу и толкнул девушку, пытавшуюся кое-как запахнуть платье чтобы прикрыть тело, к Александрин. Младший посмотрел ей вслед разочаровано, но ничего сказать не посмел. Девушка же, вопреки ожиданиям, не упала на колени и не стала целовать руки спасителям, а просто произнесла «благодарю вас». Стояла, кутаясь в поданную субреткой графини шаль, такая прямая, и, не подобрать другого слова, – горделивая.

Уже в карете, наконец-то, починенной и поставленной на все четыре колеса, она вдруг сказала:

– Я не могу быть служанкой. Я дворянка.

– Что? – воскликнула Александрин, и уставилась на спасенную от бесчестья брюнетку. – Как вас зовут?

– Михелина-Лаура де Марин. Мой отец – разорившийся идальго. Он не дал мне ничего, кроме знатного имени и долгов. У меня нет приданого, поэтому замуж меня выдать нет шансов. Но он решил продать меня иным способом.

Граф и графиня де Вард какое-то время молча глядели в черные глаза юной испанки. Франсуа нахмурился, а на лице Александрин читалось крайнее возмущение. Рассматривая девушку, графиня де Вард подумала, что та не очень красива, но обладает яркой внешностью. Михелина была слишком худой для принятых тогда канонов красоты, но лицо ее отличалось какой-то изысканностью черт – тонкий нос с горбинкой, впалые щеки, алые губы, не пухлые, но все равно

выглядевшие сочными, слегка раскосые темные глаза, смуглая кожа.

– Сколько вам лет? – спросила, наконец, графиня.

– Восемнадцать.

Ей оказалось больше, чем думала француженка. Она была не на много младше самой Александрин, хоть и выглядела почти девочкой.

– Тогда будьте моей компаньонкой, – предложила молодая женщина.

Чуть нахмурив брови, Михелина задумалась.

– А что для этого нужно делать?

– Просто сопровождать меня во время выездов, беседовать со мной и гулять.

– И все? – усмехнулась испанка, удивляясь, какие чудные бывают обязанности.

Графу совсем не понравилась эта несколько странная девчонка, явно мнившая себя высокородной дворянкой. Держалась Михелина довольно сдержанно, уважительно по отношению к ним, но в ее тоне, выражении лица, все-таки скрывалась затаенная насмешка.

– Ой, у вас детки! – воскликнула сеньорита де Марин при виде Кристиана и Софи, которые вышли встречать родителей.

Няня пояснила, что малыши уже почти заснули, но услышав, что вернулись граф и графиня, побежали вниз.

– Я бы вышла замуж только ради детей, – вздохнула Михелина, когда они остались с графиней одни, и Александрин объясняла девушке, как ей теперь нужно себя вести и что делать. – На самом деле я ненавижу мужчин. Мой жених оказался трусом. Он сбежал, когда узнал, что отец хочет меня отдать за долги.

– Это ужасно, мой дружочек, – печально сказала графиня де Вард, присев на софу и скидывая красивые, расшитые серебром туфельки. – Но то, что с вами сегодня чуть не случилось, гораздо страшнее.

***

Прошло уже довольно много времени, а именно несколько месяцев, с того дня, как графиня де Куси предупредила его о готовящемся заговоре против короля. Однако пока никаких странностей и ситуаций, угрожающих монарху, де Монфор не наблюдал. Неужели вероломная Анна подшутила над ним? Да нет, какой-то странный розыгрыш. И вообще, зачем ей такие хлопоты – ехать за тридевять земель, чтобы просто разыграть кого-то? Шевалье уже даже начал забывать о предупреждении графини, как однажды комендант Бастилии в случайной беседе упомянул, что епископ Дюамель-Дюбуа частенько наведывается к нему. Пока Монфор не очень понимал, где связь между планами Анри и дружбой с комендантом. Неужели тот настолько обнаглел, что решил

взять в сообщники его и выкрасть из заточения несчастного принца? Шевалье решил в этом разобраться, но позже. Сейчас Мишель наблюдал за королем. Монарх был непривычно задумчив и то и дело его взгляд скользил по толпе придворных, словно ища кого-то. Уже ни для кого не было секретом его увлечение Луизой де Лавальер.

– Забавно. Королева любит короля. И совершенно не скрывает свои чувства, – шептались при дворе.

– У его величества какая-то страсть к некрасивым женщинам! Манчини дурнушка, Лавальер тоже!

– Но ведь ему нравилась принцесса. А она красавица!

– Вначале он посчитал ее дурнушкой.

Весь двор шептался. Все только и судачили о том, что его величество забросил свою прекрасную кузину ради хромоножки Лавальер.

А Людовик помнил, как однажды сказал графу де Сент-Эньяну, что Луиза де Лавальер не подходит на роль фрейлины герцогини Орлеанской. Она не обладает красотой и к тому же бедна. И хотя Луиза не ведала об этом, королю было стыдно за те свои слова.

Помимо его величества внимание Монфора привлек еще один юноша. Лабранш буквально четверть часа назад оказался во дворце, даже переодеться не успел из дорожного платья в парадный костюм. Но Анна Австрийская вызвала к себе его командира, который взял виконта с собой. Теперь Огюст и граф де Бельфлер стояли в конце этого большого

сводчатого зала, почти у самой двери, и перешептывались.

Неожиданно придворных взбудоражило появление какого-то человека. Все оживились, сначала защумели, а через минуту притихли. Перед королевой-матерью возник и поклонился ей с высочайшим достоинством статный темноволосый мужчина, одетый в роскошный красный бархатный костюм, расшитый золотом и драгоценными камнями. В его ухе по-пиратски сверкнула бриллиантовая серьга.

– Что-то давно, герцог, мы вас не видели, – проговорила королева Анна.

– Теперь, ваше величество, я обещаю вам бывать при дворе часто, – белозубо улыбнулся он.

Огюст тоже обратил внимание на дворянина. Тронув за плечо Армана, он посмотрел в направлении разодетого в алый бархат напыщенного брюнета. Виконт кивнул в сторону незнакомца и тихо спросил у друга:

– Кто это?

– А… это сын герцогини де Кардона.

Глава VIII Старый замок и воспоминания

Осень 1645 г. Наваррский коллеж

Высокие сводчатые потолки… Под ними любой звук разносится эхом. Как сейчас быстрые шаги виконта.

– Виконт де Куси, мой юный друг! – окликнул кто-то юношу.

Армэль оглянулся.

– Отец Карудо! Господин учитель, вы меня звали?

– Да, мой мальчик. Пойдемте, я хочу у вас кое-что спросить.

Карудо было лет 45. Это был высокий статный мужчина с почти полностью седыми волосами и серьезным взглядом темных глаз. Они присели на скамью.

– Я давно хотел спросить у вас, виконт, почему вы выбрали стезю священника?

Шестнадцатилетний юноша поднял на учителя глаза. Большие, синие, мерцавшие теплым мягким светом.

– Потому что я не хочу быть военным. Жестокость, пусть даже во благо своей родины, мне чужда. Государственная служба и политика мне не интересны. Меня привлекают на-

уки. Особенно история, география. И еще я хотел бы заниматься литературой. В богословии все это сочетается с верой в Господа. Вот я и выбрал Церковь.

– А веруете ли вы сами? – улыбнулся священник.

Он давно заметил, что этот мальчик умен, пытлив, но вот не видел учитель в нем самопожертвования и искренней веры, скорее просто интерес к религии как к одной из частей человеческого бытия.

Наваррский коллеж был самым демократичным учебным заведением Франции. Туда принимали исключительно детей бедняков. Но когда Армэль узнал, что именно его когда-то оканчивал Его Высокопреосвященство кардинал Ришелье, то заявил отцу, что хочет учиться только там. Графу пришлось подключить определенные связи. О том, что Армэль является сыном родовитого вельможи, знало лишь руководство коллежа и некоторые преподаватели, сами же ученики не ведали, что их друг – родня королевскому дому.

Учеба в Наваррском коллеже легко давалась виконту. Он старательно постигал науки и впитывал знания, но, как считали его учителя, не воспринимал достаточно серьезно выбранную им самим роль. Юный сын графа де Куси был главным заводилой среди сверстников, но при этом он умудрялся почти никогда не попадаться на шалостях.

В одну из ночей несколько учеников коллежа удрали в лес, где развели костер и, усевшись вокруг огня, стали жарить мясо, заранее украденное на кухне. И кто бы вы думали, был

инициатором данной идеи? Ну конечно виконт Армэль Валентин де Куси.

– А что если нас тут застанут грабители или бродяги? – поежившись, спросил светлоголовый мальчишка по имени Стефан.

– Ну, мы постараемся быстро убежать от них, – сказал Армэль, умело освобождая мясо от пленки, обтирая солью и насаживая на тонкое лезвие длинного кинжала.

– Гораздо страшнее, если на нас нападут духи умерших, – полушепотом проговорил еще один воспитанник коллежа, сын хлебопека Мишель.

– Или волки, – пожав плечами, заметил виконт де Куси.

Ожидая, пока пожарится мясо, он лег поблизости от огня, подперев голову ладонью и время от времени переворачивал куски. Ему было жарко, на лбу выступили капли пота.

– Матушка писала, что в окрестностях Флер Нуара случилось несколько убийств, – сказал Армэль.

Раньше он говорил друзьям, что Флер Нуар – это старое поместье, не уточняя, что его наследство составляют еще несколько замков и деревень. Сам мальчик никогда там не был, но живо представлял все по рассказам матери. Сдобренное его собственными мальчишескими фантазиями, повествование выходило поистине будоражащим.

– Сначала пастухи, утром пригнавшие стадо овец на пастбище, нашли мертвую девушку. Ее тело было изгрызено дикими животными. Потом охотники наткнулись в лесу на еще

один женский труп. Таких находок было уже пять или шесть. Люди стали боятся. Думают, это оборотень.

– Как же твои родители там живут! – со страхом воскликнул сирота Стефан. – В этой мрачной глуши.

– Еще там есть болото. Когда-то оно было прудом, – игнорируя вопрос, продолжал юный виконт. – Говорят, там много людей утонуло. Одну девушку, дочь местного трактирщика, обвинили в том , что она ведьма и якобы навлекла на деревню мор скотины. Жители ее схватили, хотели учинить самосуд и тут же сжечь колдунью. Но кто-то все-таки рассудил здраво, что нужно сообщить инквизиторам и пусть они разбираются. На ночь бедняжку заперли в сарае, но она сбежала, пошла на тот пруд и утопилась. А через несколько дней всплыла страшная, посиневшая и раздувшаяся.

Мальчики содрогнулись.

– Они говорили, что она ведьма, но конечно она ею не была. Это только одна из множества подобных историй. Почему-то этот пруд всегда привлекал самоубийц. Из него часто вылавливали утопленников. Расположен он очень близко к дому, и из-за этого стены дома постоянно сырые и в нем пахнет болотом.

– Моя прапрапра-… , в общем очень дальняя бабушка была ведьмой, – вдруг сказал Тео и все перевели на него взгляды. – Но ее не сожгли. Ее заживо замуровали в стене замка. Это было два или три столетия назад. Говорят, она долго кричала, несколько дней из стены слышался ее глухой голос.

Может быть, она проклинала нашу деревню…

Тео замолчал. Странная, необъяснимая тишина установилась в лесу. Даже шепот не нарушал эту тишину. Лишь тихо потрескивал костер. Ни у кого больше не было ни сил, ни желания делиться друг с другом секретами. Где-то вдалеке звякнули колокольчики на повозке припозднившегося крестьянина. В лесу глухо заухал филин. Мишель и Фабрис прижались друг к другу. Остальные мальчишки в страхе переглядывались.

В ту ночь Армэлю приснился страшный сон, видимо, навеянный разговорами в лесу. Связанная женщина в окружении пламени… Сожжение ведьмы! Он видит все это словно сверху, со стороны. Ветер развевает светлые длинные волосы женщины, они не дают рассмотреть ее. И хоть ее тело крепко привязано веревками к столбу, в какой-то момент ей удается так тряхнуть головой, что открывается лицо. Он узнает… свою мать! Вокруг ходят лучники, толпится народ, а чуть поодаль на черном жеребце сидит всадник в черном плаще. Бледное высокомерное лицо, холодный взгляд, темная прядь волос выбилась из-под шляпы и упала на лоб. Отец…

Утром Армэль проснулся в лихорадке. Все испугались, что у мальчика оспа, но оказалось, что это была корь. Граф и графиня приехали настолько быстро, насколько смогли. Армэль тяжело переносил болезнь, что не удивительно во взрослом возрасте. Отец Карудо тогда сказал, что мать должна молиться, ибо материнская молитва самая сильная. И ма-

тушка молилась… так искренне, так истово, так слезно. Какая же она ведьма после такого? Что за глупый бессмысленный сон!

Армэль обожал мать и боготворил ее. Упреки Василия Божезларжа в том, что он недостаточно верит, заставили виконта задуматься, и размышления его вернули во времена учебы в коллеже. Верит ли он на самом деле так же сильно, как Василий? И что такое все-таки Бог? И почему ему кажется, что нет ничего плохого в том, что у него есть Эжени и двое малышей, что Господа это не гневит.

***

Не только виконт предавался воспоминаниям, но и его отец. Куси… Старый замок возвышался над лесом и был виден с дороги. Крепость от времени стала совсем бурой, кое-где стены были покрыты мхом. А вот по жилой части, отделенной от главной башни галереями и широким двором-колодцем, и не скажешь, что замку уже не одна сотня лет. Справа от центрального входа с широкой лестницей по стене густым ковром вился дикий виноград. Здесь когда-то стояли статуи. Ставни на стрельчатых окнах были приветливо открыты, и это хоть немного сглаживало тоскливое впечатление, которое произвело на него родовое гнездо. Когда знаешь, что кроме управляющего и нескольких слуг тебя никто не встретит… Граф де Куси поднялся по каменным ступе-

ням и вошел внутрь. Он уже столько месяцев жил в Лабранше, так привык к этому небольшому поместью, к уютному саду, к скромному хозяйству, что теперь непривычно было находиться здесь, в шато-де-Куси, который был настоящим каменным гигантом, и вокруг которого расстилались на несколько миль угодья, принадлежавшие роду Куси.

Внутри было прохладно. Слуги в отсутствие хозяев редко растапливали камины. Да и до зимы еще было много времени, а осень выдалась довольно теплая. На стенах кое-где еще отлично сохранилась мозаика, которую периодически реставрировали. Гобелены, резьба на мебели, инкрустация, позолота… От когда-то бушевавшего в замке пожара не осталось и следа. Тогда потушить все удалось быстро, шато-де-Куси почти не пострадал.

После смерти родителей граф не собирался жить в родовом замке, где прошло его детство и юность. Но так вышло, что потом они с супругой прожили здесь много лет… Здесь родились его сыновья и внуки.

В гостиной сквозь шторы просвечивало солнце, падая лучом на любимый гарнитур матушки, когда-то специально заказанный отцом у какого-то именитого итальянского деревщика. Обычно мебель в замках вельмож была тяжелой, грубой, практичной. Но благодаря тонкому вкусу его матушки, а потом и жены, убранство отличалось почти такой же красотой и роскошью, как королевские апартаменты. Комнату украшал величественный камин с башенками и фризами.

Граф бросил взгляд на картину, где были изображены он с супругой и дети. Минуту смотрел, потом отвернулся и пошел по широкой лестнице наверх. Ему нужно было в кабинет, где в секретере хранились документы. Арману нужна была купчая на парижский дом.

Какое странное чувство вызвало у него посещение замка! Все-таки Куси был невероятно красив. Но теперь пуст… Будто душу из него вынули. Граф прошел в покои детей. В комнате Александрин было идеально убрано, ничего лишнего. А Армэль словно только что покинул спальню. На стуле лежал берет с помпоном, набор для письма, когда-то подаренный ему крестным, стоял на столе. В спальне Кристиана граф увидел игрушку внука – деревянную лошадку. Александрин, помнится, не захотела забирать ее, сказав что в Испании купят новую. Когда-то похожая была у Армэля. Арман де Куси присел в небольшое кресло рядом с кроватью и задумался. Взгляд его затуманился и потеплел.

Служанка будила виконта де Куси. Кажется, мальчик приболел. Обычно подскакивавший ни свет, ни заря, сегодня он не спешил покидать постель, несмотря на то, что было уже почти одиннадцать.

– Виконт, поднимайтесь, ваш батюшка уезжает и хочет сказать вам до свидания.

– Ну мама… – Армэль открыл глаза. – А, это вы. А матушка сегодня не приехала?

– Пока нет, сеньор.

– Я по ней соскучился. Сестру вон привезли. Зачем? Мама лучше, – ребенок сел в постели, недовольно поежившись, когда служанка принялась расчесывать его спутанные локоны.

Его сестра тем временем восседала на расшитой лазурью и золотом шелковой подушке и старательно пыталась открыть чернильницу. Рядом на пуфе сидела крупная белая кошка, которая с интересом наблюдала за действиями ребенка. Неожиданно девочка услышала за дверью шаги. В этот же момент крышка чернильницы, наконец, поддалась, и содержимое флакончика вдруг пролилось прямо на платье, растекшись по бархату. Не заметив, что ее пальцы испачканы в чернила, девочка прикрыла рот ладошкой, с ужасом осознавая, что натворила.

– Сеньорита, вот вы где! – воскликнула гувернантка, недавно нанятая отцом для воспитания и обучения девочки.

Та моментально спрятала чернильницу за спину, так при этом махнув рукой, что брызги полетели прямо на снежно-белое животное, чья шерстка разу покрылась черными пятнышками.

– О, Матерь Божья… Что вы наделали! Ведь платье совсем новое! И как теперь отмывать ваше личико! О, Mon Dieu[6]!!! – от возмущения мадам Перо перешла на французский. – Как дурно! Как нехорошо! Фи! Ваш батюшка будет

---

[6] Боже мой.

недоволен! Так делают только очень-очень плохие дети.

Гувернантка шлепнула девочку и подхватила ее на руки.

– Что вы нюни распустили! Не пристало благородным девицам плакать да капризничать! Вы хотите стать такой же красивой и умной, как ваша матушка? Хотите, чтобы вас полюбил смелый рыцарь?

– Я хочу рисовать! – вопила Александрин.

– Рисуют красками!

Арман медленно поднялся и направился к выходу. Его взгляд ненадолго задержался на гравюре с изображением единорога и льва. Считалось, что единорог обладает неукротимым нравом и борется при попытке его приручить. А лев имел множество значений. Сила, власть, воскресение… Шаги графа по мраморному полу разносились в пустых комнатах гулким звуком. Он отдал слугам несколько распоряжений, сказал, что ночевать не останется и сейчас же едет в Париж.

Где же найти силы все воскресить?..

Глава IX Неожиданная встреча

В трактире было еще не так многолюдно, как обычно. Начальник охраны короля вошел и окинул ищущим взглядом зал. Здесь его уже ждали. Мужчина в низко надвинутой на глаза шляпе сидел в углу, куда почти не попадал свет.

– О, вот и вы, – сказал он при виде де Монфора.

– Приветствую вас, граф. Вы написали, что будете здесь, и я рад, что застал вас.

Друзья заказали вина и закуски. Вскоре полилась задушевная беседа, в ходе которой Арман то и дело поглядывал на друга. Ему явно нужно было поговорить о чем-то серьезном.

Но шевалье сам завел разговор о том, что волновало обоих.

– Я все знаю о замысле нашего друга.

– Да? И что думаете?

– Что он либо идиот, который не понимает, что творит, либо потрясающе наглый гений.

– Смотрите, – вдруг перебил его граф де Куси.

Друзья увидели, как в таверну вошли две женщины. Одна – в красивом бежевом плаще, обшитом по краю золотыми нитями, вторая была одета скромно – в серое платье и накидку. Арман не верил своим глазам. Он перевел взгляд на

не менее удивленного друга.

– Графиня и ваша Полин? Связался черт с младенцем!

Анна, сначала направившаяся было к Монфору, вдруг застыла, пораженно уставившись на мужа. Она наблюдала, как иронично одна его бровь поползла вверх. Ну конечно, он думал, она в имении Флер Нуар, что в десяти днях езды отсюда…

Когда де Монфор поднялся, чтобы поцеловать графине де Куси руку, Арман остался неподвижен и лишь кивнул, давая понять, что ее появление замечено и принято к сведению.

– Шевалье, вы? Здравствуйте, – нарочито дружелюбно проговорила Анна, обращаясь к Монфору и сияя лукавой улыбкой. – Не ожидала вас тут увидеть. Мы пришли отведать вафель. Говорят, здесь их прекрасно готовят. Как во Фландрии, откуда родом моя подруга.

– У вас во Фландрии есть подруга? – переспросил Мишель непонимающе.

– О, нет, во Фландрии у меня друзей нет. Хотя, пожалуй… Есть одна крайне неприятная особа, она как раз сейчас там. Ну да не о ней речь.

Монфор взглянул на Армана, но лицо того было непроницаемым.

– Моя дорогая, вы ведь фламандка? – уточнила у Полин графиня.

Та кивнула.

– Вот, это моя подруга-фламандка.

Было заметно, что Анна нервничала, в то время как граф де Куси внешне казался абсолютно спокойным.

Женщины присели за тот же стол, и графиня действительно потребовала вафель.

– Я слышал, вы поселились далеко от столицы. Не скучно там? – Монфор пытался завести вежливую беседу и для Анны, которая чувствовала себя сейчас не в своей тарелке, это было очень кстати.

– Ну что вы, я везде сумею найти способ проводить время с пользой… – она, повернувшись к дворянину, не видела, как покосился на нее муж. – Представляете, у меня в границах имения обнаружилась заброшенная каменоломня. Я приказала разведать, насколько она пригодна для использования, оказалось – там немалые залежи сланца. Поэтому, посоветовавшись со знающими людьми, я приняла решение наладить добычу и продавать камень.

– Вот уж никогда бы не подумал, что вы займетесь столь не женским делом… – удивился начальник охраны короля.

– О, действительно, дело не женское, но прибыльное, – ответила ему графиня де Куси. – Ведь сланец – камень дорогой. Нужно же как-то крутиться…

– Лучше расскажите, как вам удалось остаться невредимой после такого ужасного падения, – промолвил Мишель.

– А графиня всю жизнь только и делает, что падает и поднимается, – вдруг сказал Арман.

Она на миг застыла, потом медленно повернулась к нему.

– Ну и прикончили бы меня, чтоб не мучилась! – прошипела Анна едва слышно.

Графиня быстро взяла себя в руки, и вернулась к теме сланца. Анна, изучившая все тонкости добычи и продажи камня, принялась оживленно рассказывать о своем деле.

Граф де Куси украдкой посматривал на свою жену-красавицу. Цвела словно вопреки времени. Графиня…

Тем временем Полин, заметив кого-то знакомого в зале таверны, извинилась и ушла. Она явно была обижена на де Монфора, потому что тот не обращал на нее внимания.

– Кажется, мадам чем-то недовольна, – кивнув в сторону удаляющейся любовнице, проговорил Мишель.

– Женщины всегда чем-нибудь недовольны, – заметил граф де Куси.

– Вы так хорошо знаете женщин. Много их было? – раздался насмешливый голос графини.

– Не много. Но тех, что были, достаточно оказалось, чтобы узнать.

– Ну обиды на женщин быстро проходят, – продолжала Анна. – Одна обидела, другая залечит раны.

– Я один, – пробурчал Арман.

Монфор поднялся, извиняясь и объясняя, что ему нужно на некоторое время отойти. На самом деле он понял, что супругам нужно поговорить наедине.

– Что у вас с деньгами? – спросил граф, как только они остались одни.

Он решил, что дела совсем плохи, раз она добычей камня надумала заняться.

– У меня нет проблем. Я никогда не была нищей.

– Вы всегда были гордой, – бросил он.

Она ничего не сказала в ответ.

Не с ней ли лежали обнявшись на жарких, влажных от пота простынях, когда кожу обдувало летним ветром из приоткрытых ставен? Не ее ли порой подхватывал, на кровать бросал, да мял, словно дикий зверь, в своих объятьях? Не ей ли дарил украшения и драгоценные камни от лучших французских ювелиров и шептал, как любит?.. А сейчас и взглянуть не может на нее толком, боясь наткнуться на холодные, как северные льды, голубые глаза, боясь услышать ее злое «господин граф». Ее надменные гримасы, которые она строит только завидев его… Но неужели нельзя, чтобы было все как прежде? Сейчас, когда столько пережито, когда все открылось, он не видел причин для вражды.

– Что мешает нам быть вместе? – вдруг спросил Арман.

Было очевидно, что Анна опешила.

– Это невозможно, – единственное, что нашлась она сказать, хотя в голове крутились вперемешку ядовитые фразы и грубые ругательства.

– На свете нет ничего невозможного.

– Есть. В том то и дело, что есть.

Для нее невозможным было воссоединиться с мужем и принять его сына от герцогини де Кардона.

– Оказывается, правду говорить иногда страшно, да? – произнесла графиня. – Такую правду. Своей собственной жене. Ведь так, граф? Или вам было меня жаль?

– Я не хотел рушить наши отношения. Но мне было очень неловко говорить неправду.

– А получилось ловко, – покачала головой Анна. – И вообще…

Ее спокойствие отчего-то улетучилось в момент. Она и так слишком долго держала себя в руках.

– Как вы можете предлагать мне все забыть! Вы невыносимы! – воскликнула графиня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.